

Александр ВАРГО
и «Апостолы Тьмы»

ДВОЕ В ЛОДКЕ

*В каждом из нас живут грехи предков.
Иногда эти грехи начинают
рваться наружу...*

18+

MYST. Черная книга 18+

Александр Варго
Двое в лодке (сборник)

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Варго А.

Двое в лодке (сборник) / А. Варго — «Эксмо», 2017 — (MYST.
Черная книга 18+)

ISBN 978-5-699-95518-3

Ночь. Открытое море. Одинокая лодка. Ее борта забрызганы кровью. На дне лодки лежит истекающая кровью девушка. Парень уронил в воду последнее весло. Но это уже не имеет значения, он все равно не знает, куда плыть. Слишком много совершено страшных ошибок. Слишком много пролито крови. Возвращаться на берег нельзя. Остается лишь еще глубже погружаться в кошмар убийств...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95518-3

© Варго А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Александр Варго	6
29 июля 2001 года, 19.50	6
19 августа 2016 года, 21.08	40
Михаил Шаповал	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Варго, Михаил Шаповал

Двое в лодке (сборник)

© Варго А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Александр Варго Двое в лодке

*«Астрология точная наука – все сказанное в гороскопах
обязательно сбывается.*

Только не известно, когда, где, с кем и что конкретно...»

29 июля 2001 года, 19.50

**Краснодарский край, поселок Прибой, побережье Черного
моря. До моря – 100 метров, до ближайшего райцентра – 27 км**

Как только я переступил порог местного и, пожалуй, единственного продмага в Прибое, меня посетила запоздалая мысль о том, что вино нужно было брать заранее.

«Вряд ли в этой глухомани оно вообще есть», – с отчаянием подумал я, захлопывая за собой покосившуюся дверь. Звякнул одинокий колокольчик, подвешенный к потолку.

Внутри стояла такая духота, что у меня сперло дыхание, а футболка мгновенно взмокла от пота.

У кассы, покачиваясь на нетвердых ногах, топтался худой невысокий парень лет двадцати пяти с торчащими, выгоревшими на солнце вихрами. Кроме старых, донельзя потрепанных и засаленных джинсовых шорт, в которых он судорожно копался, и заляпанных цементными пятнами шлепанцев на нем ничего не было.

Я внезапно подумал, что его вытянуто-костлявое тело в застарелых царапинах навевало мысли о продолжительной болезни, хоть и было дочерна загорелым. А черные, нестриженные ногти на ногах вызвали рвотный рефлекс, который я подавлял всеми силами.

С легким шорохом всплеснулась кисея – бамбуково-нитяные занавески, и из подсобки вышла тучная женщина лет пятидесяти в выцветшем сарафане в крупный красный горох. Заметив, что она с интересом смотрит на меня, я напряженно улыбнулся:

– Добрый вечер.

– Привет, – ответила она, сверкнув золотым зубом. У нее было отекшее, мясистое лицо с глубокой сеткой морщин возле глаз. На подбородке темнело громадное родимое пятно, из которого торчал пучок волос. Руки женщины были крупными, с натруженными ладонями и бугрящимися змейками вен, без какого-либо намека на маникюр.

Услышав, как она поздоровалась со мной, парень тоже вскинул вихрастую голову и уставился на меня мутно-непонимающим взглядом.

Я поспешно отвернулся, пытаясь сосредоточить свое внимание на полке с алкоголем.

Не люблю ловить на себе взгляды. В особенности чужих людей.

– Санек, давай быстрее, – поторопила продавщица парня.

– Я щас, – усмехнулся тот, продолжая по третьему кругу выворачивать наизнанку карманы. И каждый раз, когда они оказывались пустыми, на его небритой физиономии появлялось выражение такого неподдельного изумления, словно он рассчитывал обнаружить там если уж не золотой слиток, то пару тысяч рублей как минимум.

Пока он пыхтел и кряхтел, в изнеможении страдая у кассы в поисках несуществующих финансов, я не без труда пытался выбрать вино. Собственно, как я и предполагал, выбирать особенно было не из чего. Скользя взглядом по запылившимся бутылкам «Анапы» и порт-

вейну «777», в простонародье именуемому «Три топора», я остановился на «Улыбке». Пожалуй, оптимальный вариант из имеющегося ассортимента.

Уклоняясь от свисающей с потолка липкой ленты с приклеившимися на ней дохлыми мухами, я направился к кассе, встав за парнем.

– Может, хватит на сегодня? – вдруг спросила тетка, и в ее голосе проскользнуло сочувствие. – Санек, ты на себя посмотри. Глаз с утра залил, уже «тепленький». Шел бы спать.

Вихрастый отрицательно замотал головой.

– Теть Даш... дык мне всего... семь рублей не хватает на «девятку», – икнув, проговорил парень. Он разжал грязный кулак и, словно желая еще раз удостовериться в имеющейся наличности, принялся пересчитывать влажные от пота монетки, двигая их указательным пальцем. – Точно... семь рублей.

Санек многозначительно посмотрел на женщину, качнувшись вперед, и та, поморщившись, замахала перед лицом рукой, словно прогоняя выдыхаемые им выхлопы перегара.

– Ты и так мне сто двадцать еще должен. С прошлого месяца, – недовольно произнесла она.

– Дык, тетя Даш...

– Все, Санек.

– У меня зарплата... как его... в понедельник!

На мясистой щеке продавщицы заиграла саркастическая улыбка.

– Я про твою зарплату уже третью неделю слышу. Мать бы пожалел. Всю спину сорвала, пока на вас, дармоедов, пашет.

Санек насупленно выпятил нижнюю губу.

Пока он вяло и безуспешно выклянчивал кредит, я разглядывал жирную муху, прикованную к его потной шее. Лениво поползав взад-вперед, она принялась неспешно чистить крылышки. Интересно, неужели этот доходяга даже не чувствует, что на его теле сидит это отвратительное насекомое?

Ненавижу мух. Однажды, будучи совсем маленьким, я играл в песочнице и стал случайным свидетелем весьма неприятного зрелища – громадная муха елозила в песке, жужжа и трепеща крылышками. Она не улетала, а просто крутилась на месте, словно приколотая булавкой. Присмотревшись, я увидел, как из ее тела вылезают крошечные белесые личинки. Попадая на песок, они тут же начинали судорожно извиваться, словно под ними была раскаленная плита.

«Она что, какает?» – спросила какая-то девочка из песочницы, удивленно вытаращив глаза.

«Дурочка, что ли? Нет, это она рождает», – со знающим видом сказал Дима – мой дворовый приятель тех лет.

Некоторое время мы наблюдали за мушиными родами, потом это мне надоело, и я, взяв горсть песка, присыпал «роженицу». Дима тогда еще на меня обиделся, назвав живодером.

– Санек, ты мне очередь задерживаешь, – услышал я голос продавщицы, и на этот раз вместо сарказма в нем сквозило усталое раздражение. – В долг я тебе не дам. Если денег нет – топай отсюда.

После произнесенных слов Санек резко развернулся, будто только сейчас догадавшись, что в магазине кроме него и продавщицы есть еще посторонний. По его отеку-испытанной физиономии скользнула робкая тень надежды.

– Братуха, дай семь рублей, – заискивающе заглядывая мне в глаза, попросил он. – Гадом буду, во как нужно.

Чтобы я не сомневался, насколько сильно ему нужны искомые семь рублей, он провел ребром своей мозолистой ладони по кадыку.

– Да, конечно, – пробормотал я, провожая взглядом муху, которая, сорвавшись с его невымытой шеи, улетела прочь.

Нашупав в кармане сложенные вдвое деньги, я вытащил их наружу. Боковым зрением я видел, как тучная продавщица неодобрительно покачала головой.

Плевать. Я всегда даю нищим и алкашам. Пусть они даже обманывают, говоря, что им есть нечего, – и так всем ясно, что большинство бродяг эту милостыню попросту пропивают. Но пусть лучше они эти деньги получают от меня, чем, отчаявшись кланяться у равнодушных прохожих, украдут. Или вообще пробьют кому-нибудь череп...

– На, – сказал я, протягивая ему десятирублевую купюру.

– Спасибо, братуха!

Я вежливо кивнул, вздохнув.

Духота, укутывающая меня липким одеялом, становилась невыносимой.

«Покупай скорее свое е... е пиво и вали отсюда!»

Я натянуто улыбнулся, стараясь загнать внутренний голос обратно. Иногда это срабатывало. Сейчас – нет.

Женщина быстро пересчитала мелочь вместе с принадлежавшей мне ранее десяткой и, нагнувшись, поставила перед Саньком банку «Балтики-9».

«Интересно, он отдаст мне со сдачи три рубля?» – неизвестно зачем подумал я, про себя решив, что вряд ли.

Так и случилось. Вцепившись в банку вожаемой «девятки», словно это был как минимум олимпийский факел, парень заспешил наружу. Звон колокольчика совпал с характерным «пссс», из чего следовало, что никаких сил терпеть у бедняги уже не было и он судорожно открывал пиво прямо на ходу.

– Пропадает парень, – со вздохом сказала продавщица. – Вроде неплохой, но водка его погубит...

Я деликатно кашлянул.

– Мне, пожалуйста, вино «Улыбка». Два пластиковых стаканчика и ваш пакет.

Кивнув, толстуха скрылась в подсобном помещении. Взметнулись бамбуковые занавески, а я покосился на кассу. Она была открыта, и я мог видеть стопки денег.

Непозволительная халатность. Или это просто деревенская наивность?

В городок, население которого от силы превышает человек триста, приезжает незнакомый юноша. А продавец оставляет его в магазине одного, да еще с открытой кассой.

Пока я размышлял, в подсобном помещении слышалось кряхтение, затем до моего слуха донеслось негромкое «иттить твою мать...».

Наконец вино было найдено, я расплатился и уже намеревался уходить, как продавщица меня окликнула:

– Я, конечно, извиняюсь, молодой человек... Смотрю, вы не местный.

Помолчав, я ответил:

– Нет, не местный.

– Если вы к нам надолго, могу порекомендовать комнату, – предложила женщина. – Совсем недорого.

– Спасибо. Я подумаю, – сказал я, снова разворачиваясь.

– Я тетя Даша. Меня все тут знают!

«Не сомневаюсь, – пронеслась у меня мысль. – Особенно такие, как Санек».

Я вышел наружу, с наслаждением вдохнув свежий воздух.

Санек сидел на корточках под раскидистой сливой и с блаженным видом отхлебывал пиво из банки.

Он вальяжно помахал мне рукой, как старому приятелю, и, глядя на его умиротворенное выражение лица, я еще раз подумал о том, как мало человеку нужно для ощущения полного счастья.

«Ты забыл про шоколадку, – вновь заговорил внутренний голос. – Девчонки любят шоколадки...»

Я почесал затылок. Что верно, то верно. К вину было бы неплохо приложить что-то вкусное. Сыр или шоколадку. Но в магазине сыра не было. А на таком пекле шоколадка очень быстро превратится в липкое дерьмо. Да и возвращаться в эту парилку было неохота.

И вообще.

Мы не виделись целый год, и какая-то дурацкая шоколадка не в счет.

Я взглянул на часы. До нашей встречи еще полтора часа, но я не переживал по этому поводу. Я спокойно подожду свою любимую возле причала. Уж что-что, а ждать я умею.

Слева послышался шум подъезжающего автомобиля, и я скользнул по нему равнодушным взглядом. Отвернулся, чувствуя, как к лицу прилила кровь, а сердце, сделав сальто, подскочило чуть ли не к глотке.

Это была милицейская патрульная машина.

А в этом богом забытом местечке такая машина может быть только у одного человека. Человека, который ненавидит меня.

И этим человеком был Петр Сергеевич.

Отец Марины.

«Иди спокойно. Он тебя не заметит. Неужели ты думаешь, он узнает тебя со спины?»

Автомобиль остановился и, судя по всему, припарковался возле магазина.

– Это может быть кто угодно, – беззвучно произнес я, с отвращением чувствуя, как к мокрой от пота спине липнет футболка. – Мало ли кто... решил сюда приехать из милиции...

– Привет, Санек! – услышал я прокуренный голос и вздрогнул, узнав его. – Все бухаешь?

Раздался смешок парня.

– Жарко, дядя Петь. Вот, пиво решил...

– Ладно, ладно. Пятница сегодня. Можно.

Внезапно голос мужчины прервался, и я словно воочию увидел, как он заметил меня, запнувшись на полуслове.

Я продолжал размеренно брести по разбитой неровной дороге, машинально отмечая те или иные ростки, все-таки сумевшие пробить себе дорогу наверх сквозь толщу битума, песка и асфальтовой крошки.

«Я тоже буду таким. Я добыю своего», – зачем-то подумал я, буквально каждой порой разгоряченной кожи ощущая на себе пристальный взгляд отца Марины.

Хлопнула дверь, и двигатель милицейской «Волги» вновь затарахтел.

Пальцы моей руки, той, что была свободна, непроизвольно сжались в кулак. Наверное, я действительно привлекал внимание. Высокий парень в светло-голубых джинсах и модной обтягивающей футболке, да к тому же еще и прихрамывающий. На отдыхающего не особенно похож. На местного аборигена – тем более...

Сзади посигналили, и я обернулся.

Не реагировать было бы глупо.

Милицейский автомобиль поравнялся со мной, и я искоса посмотрел на водителя.

– Ух ты, – тихо произнес он. – А я сначала даже не поверил своим глазам. Думал – что это за пугало огородное плетется?

Увеличив скорость, он обогнал меня и, взвизгнув покрышками, перегородил дорогу. Я остановился.

«Все равно рано или поздно вам пришлось бы пересечься», – шепнул внутренний голос.

Это точно. Прибой можно обойти за полчаса вдоль и поперек. Две перекрещивающиеся улицы – Солнечная и Коммунаров, вот и весь поселок. Было бы наивно рассчитывать приехать сюда и остаться инкогнито. Но и нарваться на отца Марины в самые первые минуты пребывания здесь в мои планы не входило.

Петр Сергеевич тем временем вылез из машины, поправляя выбившуюся из-под ремня форменную рубашку. Я взглянул в его дочерна загоревшее лицо – худое, с пробивающейся щетиной, сплошь покрытое морщинами. Меня всегда поражало обилие морщин у местных жителей – складывалось впечатление, что их что-то безжалостно высушивало изнутри, заставляя кожу съеживаться в глубокие дряблые складки, отчего они напоминали слоновью шкуру.

Надеюсь, у Марины никогда не будет такой кожи, – подумал я.

Конечно. Если она будет со мной, она всегда будет выглядеть как спелая вишенка.

– Здравствуй, Петр Сергеевич, – сказал я спокойно, протягивая милиционеру руку. Он уставился на нее с таким видом, словно я пытался всучить ему резиновый член.

– Ты зачем сюда приперся? – спросил он, вперив в меня колючий взгляд.

На мгновение я замешкался. Пожалуй, зная, какие между мной и его дочерью складывались отношения, нужно быть полным кретином, чтобы задавать подобные вопросы.

– Отдохнуть приехал, – коротко ответил я.

Петр Сергеевич смерил меня недоверчивым взглядом.

– Один? Без родителей?

– Они не обязаны меня сопровождать. Мне в следующем году исполняется восемнадцать.

– Да хоть сорок, – пренебрежительно отозвался он. Он неторопливо достал из нагрудного кармана пачку «Парламента», ловко выбил оттуда сигарету и, сунув ее в рот, полез в брюки за зажигалкой. – Психам без разницы, восемнадцать им или сорок. Хотя, думаю, до сорока ты не доживешь.

В ушах что-то оглушительно треснуло, словно разорвалось, окончательно и бесповоротно.

– Простите? – хриловато спросил я. – Что вы сказали?

– Что слышал, шизик, – произнес Петр Сергеевич, с наслаждением закуривая. Глубоко затянувшись, он выпустил кольцо белого дыма прямо мне в лицо. – Думаешь, раз живем в такой глухомани, ни на что не способны? Я ведь навел о тебе справки. Ты шизик. И родился от шизика. Насчет мамы твоей не знаю, а вот батя точно двинутый был на всю голову. Про твоих приемных предков ничего не могу сказать, но гены-то не обманешь.

Я глубоко вздохнул, мысленно считая до десяти. По идее, это должно сработать.

– Я могу идти, Петр Сергеевич?

Не без злорадства я отметил, как в бесцветных глазах милиционера мелькнула досада. Конечно. Наверняка он рассчитывал, что я вспылю и огрызнусь в ответ. Но эти времена, когда такая реакция была для меня обычным явлением, давно прошли.

– Если ты приехал отдыхать, то где твои вещи?

Я беззаботно пожал плечами.

– Я привык путешествовать налегке.

Цепкий взгляд мужчины остановился на пакете, в котором нагревалось вино.

– Что у тебя там? Пакет вроде Дашкин.

Он шагнул ко мне, и я непроизвольно попятился назад. Ухмыльнувшись, Петр Сергеевич подошел вплотную и, не вынимая сигареты изо рта, схватил меня за руку, которой я держал пакет.

Я стиснул зубы.

Нет, не сейчас.

Может быть, чуть позже.

Заглянув внутрь, отец Марины поднял голову.

– Понятно. Развлечься решил?

Он подмигнул мне, но я видел, что милиционера буквально колбасит от ярости.

– Она вчера весь вечер переписывалась с какой-то «Таней», парень. Но я знаю, что среди подруг Марины никакой Тани нет. Я слежу за тем, с кем водит знакомства моя дочь! И я думаю, что если сейчас проверю твою мобилу, то увижу, что ты и есть та самая «Таня»! Как думаешь?

– У меня есть свое имя, – сказал я, стараясь не встречаться с его пристальным взглядом. – Я не Таня. Если вы об этом.

– К кому ты приехал? Если ты мужик, то не станешь врать. Если тряпка – соврешь, – вполголоса проговорил Петр Сергеевич. – Скажешь правду, я отпущу тебя. Нет – будут проблемы.

– Проблемы? – глупо переспросил я.

Он нехотя разжал пальцы, выпуская мою кисть. Несмотря на худосочность и внешнюю неказистость, хватка у мужика была стальной, и я чувствовал, что моя рука словно побывала в тисках.

– Не включай дурака, – скривился Петр Сергеевич. – Ты приехал к моей дочери. Скажи, что это не так. Ну? Я прав?

– Нет, – ответил я, и неожиданно для самого себя мой рот разъехался в улыбке. – Вы ошиблись. Я приехал не к ней. И вообще, она мне надоела.

Он понятиливо кивнул и, неожиданно подавшись вперед, плюнул на меня окурком. Я отшатнулся, но ненавистный бычок все же попал мне прямо в грудь, оставив на белой материи серое пятнышко пепла. Я раздавил упавший на асфальт окурочек кроссовкой, а когда поднял голову, в меня летел кулак.

В голове что-то отчетливо щелкнуло, будто кто-то невидимый включил рубильник, а перед глазами заискрилось. Нелепо взмахнув руками, я приземлился на ягодицы. К счастью, бутылка с вином осталась цела, в отличие от носа, из которого тоненькой струйкой зазмеилась кровь.

Петр Сергеевич присел на корточки, с деланным сочувствием глядя на меня.

– Хочешь, я тебя сейчас в «обезьянник» отвезу? – мягко спросил он. – Переночуешь с бомжами. А дежурный следак тем временем оформит протокол по изъятию у тебя травы.

– Какой... травы? – булькнул я.

Петр Сергеевич весело засмеялся:

– Такой травы, шизик. Будто не знаешь. От которой потом балдеют. Так что получишь свой «трешник», к гадалке не ходи. И свидетели есть – вон, Санек уже «девятку» свою почти добил. Я ему за нужные показания еще бухла куплю.

Я наконец опустил голову, внимательно разглядывая милиционера. Капля крови, повисев секунду на подбородке, все-таки шлепнулась на футболку. Твою мать. И морда разбита, и майка испачкана.

«Как я в таком виде появлюсь перед Мариной?!»

– Зачем вам все это? – осторожно спросил я.

– Затем. Потому что я терпеть не могу таких, как ты, – сказал Петр Сергеевич. Демонстративно шмыгнув носом, он харкнул вязкой слизью на асфальт. – Белоручка гребаный. Городской соплежуй. И не подкатывай к Марине. Оторву яйца, усек?

Он поднялся на ноги.

– В нашем ДК сегодня дискотека. Узнаю, что ты трешься возле моей дочери, – размажу. Я тебя предупредил.

С этими словами Петр Сергеевич сел в машину, хлопнув дверью. Высунув в окно загорелый локоть, он добавил:

– На твоём месте я бы валил отсюда. Последний автобус через сорок минут. Иди окунись в море, бухани своего винца, а потом чеши на все четыре стороны. Это мой последний добрый совет, Таня.

Фыркнув, милицейский автомобиль неспешно покатился прочь. Санек, прикончивший «девятку», помахал ему рукой, и я скрипнул зубами.

Потом я поднялся на ноги, отряхивая джинсы. Забыв при этом, что моя ладонь перепачкана кровью, но было уже поздно – теперь не только футболка, но и джинсы были в багровых пятнах. Хорош гусар, в общем. Именно в таком виде я и мечтал весь год появиться перед любимой.

Я посмотрел в сторону магазина. Наверняка у тети Даши есть в продаже салфетки, а даже если и нет, уверен, она дала бы мне какую-нибудь тряпку. Однако, поразмыслив немного, я развернулся, решительно зашагав в сторону моря.

На хрен эти салфетки.

«...бухани винца, а потом чеши... Таня».

И тебя на хрен, Петр Сергеевич. Отсоси, старый мудозвон в погонах.

* * *

Пляж был практически пустынным, не считая двоих загорелых мальчишек, которые рыбачили возле причала. Да и кому тут быть-то? Прибой – вечно сонный поселок с диким пляжем, представлявшим собой узенькую полоску блеклого песка. Местные купаются в море редко, это я заметил еще два года назад, когда мы познакомились с Мариной. А туристов тут почти не бывает, разве что случайным проездом.

Я быстро окунулся в море, после чего предпринял попытку отстирать свои шмотки. Из этого ничего не вышло, но я не особенно расстроился. Кровь – штука въедливая. Если присохнет, ее даже специальными средствами фиг выведешь, это я уже хорошо знаю...

Но сейчас меня больше волновало нечто другое.

Оставив сушиться вещи на камнях, я направился к древнему причалу. Рыбачившие там мальчишки, заметив меня, притихли. Оба худые, нескладные, с исцарапанными коленками. На тощих загорелых шейках болтались потускневшие нательные крестики.

– Привет, пацаны, – сказал я, дружелюбно улыбаясь.

– Здорово, – нерешительно поздоровался один из них.

– Чьи лодки те, знаете?

Я указал в сторону трех лодок, одна из которых была на суше, а две лениво покачивались на плаву, закрепленные цепями к столбу причала.

– Эга, что на берегу, разбита, – ответил паренек, сморщив веснушчатый нос. – Пробоина у ней здоровенная.

– Давно уже, – подтвердил его приятель, словно это имело какое-то значение. – Ничья она.

– А вон та, что побольше, – Игоря, – снова заговорил веснушчатый. – А вторая, мелкая, – дяди Паши. А что?

– Хотел взять напрокат.

Мальчишки с изумлением переглянулись, словно я только что признался, будто собираюсь улететь на одном из этих корыт на Марс.

– Игоря нет. Он на шабашке, – наконец отозвался веснушчатый. – А дядя Паша здесь. Позвать?

– Он бухает, наверное, – предположил второй.

– Позовите, – согласился я. – Заработаете на мороженое.

– Лучше на колу, – тут же оживился веснушчатый, и я кивнул.

– Приведете сюда дядю Пашу, и я дам вам по пятьдесят рублей.

Вытаращив глаза, мальчуганы, не сговариваясь, побросали удочки и стремглав помчались с пляжа.

«Надеюсь, с дядей Пашей я тоже договорюсь», – подумал я, глядя на их белые пятки, проворно мелькающие в горячем песке.

Особых проблем с дядей Пашей, который на момент заключения нашей сделки едва держался на ногах, не возникло. Я сунул ему пятьсот рублей, а он дал мне ключ от замка, на котором держалась цепь. Некоторое время владелец лодки уговаривал меня составить ему компанию, на что я ответил отказом. Я приехал сюда не для того, чтобы квасить с местными алкашами.

Прихватив пакет с вином и влажные вещи, я направился к причалу. Сел на самом краю, завороченно глядя на медленно опускающееся солнце.

Начинался закат.

Сколько себя помнил, зрелище солнца, погружающегося за линию морского горизонта, у меня всегда вызывало благоговейный трепет. Это было равносильно наблюдению за тем, как сгорает свеча. Огонек трепещет и внезапно исчезает... Или как молочная пленка затуманивает взгляд умирающего.

Это было сродни как... впрочем, не будем об этом.

Лучше я буду думать о Марине.

Болтая ногами в воздухе, я достал мобильный телефон. Пожалуй, единственная ценность при мне. Ну, не считая той крошечной коробочки из розового бархата, которую я приготовил для Марины.

Телефон, паспорт и коробочка, вот и все, с чем я приехал за сотни километров. Хе-хе!

«Нож, – напомнил внутренний голос. – У тебя с собой еще есть нож».

Да, у меня еще есть нож.

Странно, что я забыл о нем. Гм...

«Привет, родная. Я на месте, как договаривались. Очень тебя люблю и жду», – отпечатал я эсэмэску Марине.

Ответ не заставил себя ждать, и мобильник тихо пискнул, извещая о поступившем сообщении.

«Немного опоздаю. До встречи».

Я моргнул, вновь перечитав эти две короткие фразы.

Еще раз.

И еще.

Выключив телефон, я уставился на закат. Разбухшее, остывающее солнце постепенно клонилось все ниже и ниже, оно словно сочилось малиновым соком, который расплывался по всему вечернему небу, как смешанная с водой краска на рисунке.

«Ни «привет». Никаких «люблю» и даже «целую». Что-то случилось?» – мысленно спросил я сам себя. Нервно потер руки и, задев залепленный пластырем палец, сморщился.

Ранка была совсем свежей, и каждое прикосновение к ней было весьма неприятным.

«Ее отец, парень. Это все ее отец, – вновь заскребся в черепе отвратительный голос. – Он приехал и закатил ей взбучку. Напомнил про «Таню». Проверил телефон Марины. Может, это он сейчас тебе ответил? И сейчас уже едет сюда с ее братом, чтобы превратить тебя в отбивную! Он ведь предупреждал тебя?»

– Предупреждал, – меланхоличным эхом откликнулся я. Посмотрел на экран телефона, проверяя время, – на последний автобус я все равно уже опоздал.

«Он не простит тебе обман, – прошипело над ухом. – Ты ополоумел? Не знаешь ее отца?!»

– Знаю. И если он будет вставлять мне палки в колеса, я убью его, – спокойно сказал я, широко улыбаясь уходящему за горизонт солнцу.

Голос промолчал, а я повторил только что произнесенную фразу про себя.

А действительно, смог бы пойти на это ради любимой?!

Затаившееся внутри существо не отвечало, предоставляя мне самому решить столь непростой ребус.

Так мы и сидели, безмолвно глядя на закат, а волны размеренно плескались у берега, с тихим шорохом накатываясь на песок.

Она появилась, когда на небесном покрывале начали вспыхивать первые хрусталики звезд. Я сразу узнал стройную фигурку, бесшумно возникшую на старом причале, и сердце мое заколотилось в исступленном ритме. Ее бесподобные длинные волосы трепал ветер, в изящных руках – облепленные песком босоножки.

– Привет, – прошептала Марина, опускаясь на колени передо мной. Я обнял ее, молча вдыхая аромат юного упругого тела вперемешку с мамиными духами.

– Я ждал тебя, – так же тихо ответил я, закрыв ее губы поцелуем.

– Я не могла раньше. Вернулся отец... – ответила она, слегка отстраняясь. – Ты... что с твоей майкой?

Я опустил глаза. Даже в темноте на футболке темнели грязные разводы, и я грустно улыбнулся.

– Что, сильно заметно?

Марина кивнула.

Подумав, я решил рассказать все, как было.

– И ты остался? – задала она дурацкий вопрос, когда я закончил.

– Как видишь.

– Отец очень волнуется за меня.

– Наверное, на его месте я поступил бы точно так же.

– Витя, я слышала, как он позвонил какому-то человеку из милиции. У него...

Она запнулась, и я, видя нерешительность любимой, приободрил ее:

– Ну же, солнышко. Не бойся, говори.

– В общем... мой отец продиктовал твое имя, фамилию, год рождения и еще много чего... Хотел выяснить, не замешан ли ты в чем-то.

Я осторожно дотронулся до кончика носа. Он все еще помнил сегодняшнее краткосрочное свидание с кулаком Петра Сергеевича.

– Мне не в чем себя упрекать. И я не обижаюсь на твоего папу, – сказал я, про себя задавшись вопросом, верю ли я сам этим словам.

– Как не обижаюсь и на то, что моя любимая девушка должна шифроваться и называть меня Таней, – прибавил я.

Марина нервно хихикнула.

– Что ж, иногда можно поиграть в секретных агентов. А что я должна была, по-твоему, делать?

Я задрал голову. Прохладно-мерцающая луна равнодушно взирала на нас, смертных. И ей было все до лампочки, начиная от моей грязной майки и заканчивая бушующим цунами, которое в настоящее время в клочья рвало мою грудь под этой самой майкой...

«Не бери в голову».

Я опустил на нее взгляд. Глаза Марины поблескивали в сгуставшихся сумерках, как два бриллиантика. Я медленно провел указательным пальцем по ее худенькой шее, опускаясь ниже к соблазнительной ложбинке. У меня перехватило дыхание.

– Какие у нас планы, Витя?

Я вспомнил о ключе, который час назад всучил мне едва держащийся на ногах дядя Паша.

– Сегодня ночью будет звездопад. Я специально приехал, чтобы мы вместе увидели это, любимая.

– Звездопад? – с сомнением переспросила Марина.

– Да. Это бывает очень редко.

– Я думала, мы пойдем на дискотеку.

Я на мгновение прикрыл веки, пытаюсь подавить закипающее раздражение.

«Я приехал к тебе через всю страну. Потратил на дорогу три дня и кучу денег. Сегодня днем я получил по морде от твоего чертова папаша. Я купил тебе вино. Я привез тебе бесценный подарок. Я специально выбрал время, чтобы мы увидели звездопад. А ты зовешь меня на свою говенную дискотеку?!!»

По телу прошла дрожь, и я поежился.

Это ведь не мои мысли. Это говорит проклятая гадость, спрятавшаяся где-то глубоко внутри. Так глубоко, что я не могу от него избавиться, даже если попытаюсь выковырять это существо крючьями. Я скорее сдохну от потери крови, а эта паскудная тварь будет мерзко хихикать, перебирая мои развороченные внутренности и ожидая другого донора, более сговорчивого, чем ваш покорный слуга...

– Я бы не хотел, чтобы на дискотеке произошел конфликт из-за меня, – тщательно проговаривая слова, сказал я. – Я не боюсь твоего отца. Но он предупредил, что у меня будут проблемы, если он увидит меня на дискотеке. Зачем нам неприятности?

– Мой отец не шляется по дискотекам, – фыркнула Марина. – Они сегодня раков варят с моим брательником. Все его возвращение из армии отмечают. Опять набухают.

«Плевать мне на твоего брательника», – подумал я.

Вслух же я сказал:

– Я прошу тебя. Когда еще у нас будет такая возможность? Ты вообще в своей жизни хоть раз видела, как падают звезды?

– Хорошо, – сдалась она. – Мы будем здесь? На причале?

Я указал на чернеющую в воде лодку, о борта которой тяжело плюхались волны.

– Мы поплывем к утесу. Помнишь? Утес Прощенных.

Даже в темноте я видел, как Марина вздрогнула.

– Ты что? – удивился я. – Боишься?

– Отец убьет меня, если узнает, – сказала она, покачав головой. – Там прошлым летом Ирка разбилась. Хотели с парнем сфоткаться на фоне заката. Сорвалась, и прямо на камни лицом. Хоронили в закрытом гробу...

– Марина, перестань, – мягко перебил я ее. – С тобой буду я. А не абы кто. Обещаю, что танцевать и скакать на самом краю не будем.

Я замолчал, выжидательно глядя на девушку. Она кусала губы, сосредоточенно глядя в одну точку. *Представляю, какая у нее внутри идет борьба*, – промелькнула у меня мысль.

Пожалуй, настало время козырного туза.

– К тому же я приготовил для тебя один сюрприз, – сказал я вкрадчиво. – Мы посмотрим звездопад, выпьем вина, и я подарю его тебе. Уверен, ты будешь счастлива. Согласна?

– Ты умеешь убеждать, Куликов.

«Браво, дружище!»

Мы тихо смеялись, обнимая друг друга. Я жадно вдыхал ее запах, лишний раз убедившись, что она самая чудесная женщина на свете.

Мы созданы друг для друга.

И мы всегда будем вместе.

* * *

Я был на Утесе Прощенных два года назад. Именно тогда наша группа из детского дома приехала сюда отдохнуть. Тогда я еще жил в Краснодаре, а не в Мурманске, куда потом меня забрали мои опекуны (впоследствии ставшие приемными родителями).

Неизвестно, по какой причине спонсоры решили, что это место лучше остальных, но я буду молиться за этих людей и этот выбор до конца жизни, потому что именно там я встретил свое счастье.

По сути, это крошечный остров. Даже не остров, а хаотичное нагромождение скал без единой травинки и пресной воды, размером с футбольное поле. Прямо над водой возвышался сам утес – громадно-устрашающий двадцатиметровый выступ, который издали напоминал лезвие исполинского топора.

Наша лодка быстро обогнула изогнутый мыс, уходящий далеко в море, и, разрезая волны носом, поплыла к утесу. Весла натужно поскрипывали в обшарпанных уключинах, тяжело шлепая по воде, от прогнившего днища несло рыбой, но мы быстро привыкли к неприятному запаху.

Все это ерунда. Главное, чтобы не было течи.

– А ты хорошо гребешь, – заметила Марина. Она осторожно окунула руку в волны, по которым мягко серебрилась лунная дорожка. – Почти профессионал.

– Спасибо, – пропыхтел я, чувствуя, как повлажнел пластырь на порезанном пальце. Вероятно, рана снова открылась. Боль в руке синхронно пульсировала с очередным взмахом весла, но едва ли я обращал внимание на такой пустяк.

Она рядом со мной.

Моя родное, любимое солнышко. Чего еще нужно для ощущения полного счастья?!

Нас разделял всего один метр, и я буквально кожей ощущал исходящие от нее сладостные флюиды. Они были почти осязаемы.

Я хотел ее. Боже, как же я хотел ее!

Подул ветер, взлохмачивая густые волосы Марины, и она безуспешно пыталась разглядеть колышающиеся пряди.

– Оставь, – сказал я. – Ночной бриз просто показывает, что тоже любит тебя.

Она рассмеялась:

– Ты неисправимый романтик, Витя.

Утес Прощенных неуклонно приближался.

«Черный айсберг», – подумал я, обернувшись. Казалось, бесформенная махина, весившая больше небоскреба, сама надвигалась на нас, словно устав ждать гостей.

Вскоре мы были на месте. С западной стороны волн было меньше, и нам удалось пришвартоваться без особых проблем. Закрепив цепь на одном из валунов, я протянул Марине руку, помогая выбраться из лодки.

Она с удивлением осмотрела ладонь.

– У тебя кровь.

– Чепуха. Поцарапался, когда банку консервную в поезде открывал, – отозвался я. – Обуйся, и идем. Смотри под ноги.

– Ты так говоришь, будто знаешь тут все лучше меня. Словно это не я, а ты тут живешь, – усмехнулась Марина, надевая босоножки.

«А это так и есть, – подумал я, глядя, как она начинает восхождение. – Потому что сердцем я всегда находился рядом с тобой, дорогая».

Я внезапно поймал себя на мысли, что каждое движение любимой, даже простое, казалось бы, переставление ног, излучало очаровательную грацию и великолепие.

На то, чтобы взобраться на утес, у нас ушло минут десять.

– Как здесь дует, – пожаловалась Марина, обхватив руками локти.

Я осмотрел себя с ног до головы.

– Прости, не подумал, что ночью может быть холодно. А моя грязная майка тебя, к сожалению, не спасет.

– Тогда обними меня.

– Я сделаю это с удовольствием.

Пару минут мы просто стояли, крепко обнявшись, не произнеся и слова. Я чувствовал, как колотится ее сердечко, благоговейно глядя на иссиня-черный небосвод, усыпанный мириадами звезд. Они не просто сверкали в небе, перемигиваясь, будто искры от языков пламени. Звезды мягко плавали, то приближаясь, то отдаляясь, будто концентрируясь в бесформенные хлопья и лоскутья ночи, а затем вновь рассеиваясь, как алмазы, рассыпанные чьей-то небрежной рукой. Глядя на мерцающие хрусталики в небе, я вдруг представил себя летящим сквозь Вселенную, минуя десятки, сотни неизведанных планет.

«Да, я лечу... Лечу, чтобы в итоге сгореть дотла, и все, что от меня останется, – ослепительная вспышка, на мгновение озарившая небосвод...»

Пронизывающий ветер, яростно завывающий над нашими взъерошенными головами, постепенно утихал, пока не исчез вовсе.

– Тебе больше не холодно? – спросил я.

Мы одновременно улыбнулись.

– Ты волшебник? – шепнула Марина, доверчиво взявшись за мою ладонь своими теплыми пальчиками. – Обнял меня, и ветер прекратился...

– Нет. Просто когда двум сердцам уютно вместе, природа не мешает, а иногда даже помогает.

Взявшись за руки, мы медленно приблизились к громадному корявому дереву, иссушенный ствол которого торчал прямо из расселины в утесе. Бог знает сколько лет этому странному дереву, я даже затруднялся определить его видовую принадлежность. Казалось, оно всегда было таким – мертвым, без единого листочка, со скрюченными ветками, которые напоминали чешуйчатые лапы доисторического ящера. Если бы не легенда, я решил бы, что это дерево появилось одновременно с Утесом Прощенных сотни, а то и тысячи лет назад и в таком виде дожило до сегодняшних дней – древнее, выцветшее, окаменело-выдубленное от ветров, проливных дождей и палящих лучей солнца.

Я осторожно дотронулся до шершавой поверхности твердого, как гранит, ствола.

– Знаешь, что с этим необычным деревом связана одна легенда?

– Нет, – отозвалась Марина. Она даже не посмотрела в мою сторону, все внимание девушки было сосредоточено на краю обрыва.

– Говорят, тысячу лет назад тут жили драконы, – заговорил я. – И этот остров был жилищем одной пары. Прошло время, драконы умерли, и сюда стали приезжать люди. Путешественники и просто любопытные. Сто лет назад ночью здесь оказались молодой человек с девушкой. У них были непростые отношения, и девушка надеялась, что у них все наладится и их чувства обретут новую жизнь. Но все вышло иначе...

Я осекся, видя, как близко к обрыву подошла Марина.

– Представляешь, с какой высоты упала Ирка, – протянула она, с испугом заглядывая вниз.

– Представляю, – согласился я, неожиданно для себя обнаружив, что будь эта несчастная Ирка жива и сейчас стояла бы здесь, я с громадным удовольствием дал бы ей хорошего пендала, чтобы она вновь улетела вниз.

«Она тебя не слушает», – захихикала тварь, очнувшись от непродолжительной дремоты.

– Закройся, – процедил я, и голос послушно умолк.

– Ты что-то сказал?

Она обернулась, внимательно глядя на меня.

– Витя?

Я кашлянул, прилагая все усилия, чтобы по моему лицу она не смогла прочесть истинные мысли.

– Девушка верила, что они помирятся. Она постелила скатерть, накрыла стол, поставила вино. Но вместо примирения юноша ей сообщил, что они должны расстаться – у него появилась другая. А еще он добавил, что весь этот обед – напрасные траты денег и времени. Он начал спускаться вниз, сказав, что ждет девушку в лодке. Но она не спустилась вниз.

Я выдержал паузу, вглядываясь в лицо Марины.

«Интересно, о чем она сейчас думает? О своей погибшей подруге? О дискотеке, которую сейчас пропускает из-за меня? Или о своем шизанутом бате, который в настоящий момент варит раков со своим сыном-дебилем?!»

(...размажу тебя, парень... чеши отсюда...)

Я содрогнулся, будто этот хриловато-прокуренный голос прозвучал за моей спиной.

– И что же было дальше?

Впервые за все повествование Марина выглядела заинтригованной.

– Молодой человек напрасно прождал ее в лодке. Девушка не спускалась. Тогда он махнул рукой и поплыл к берегу без нее. А она осталась наверху. Она молча сидела, глядя на собранный стол, на разлитое по бокалам вино, а ветер трепал ее волосы.

Я глубоко вздохнул всей грудью.

– Так девушка просидела почти до утра. А когда за горизонтом заалел рассвет, она прошептала: «Боже, прости меня», затем взяла нож и пронзила себе сердце. Она умерла прямо тут, на вершине утеса. Ее кровь впиталась в трещины, размягчая скалу. И спустя какое-то время, уже после похорон несчастной, здесь выросло дерево. С тех пор это место называют Утесом Прощенных. Ходят слухи, что если поклясться в любви возле этого дерева и чувства будут искренними, то оно может ожить и зацвести. И влюбленные будут счастливы навеки.

Марина медленно обошла ствол, остановившись возле меня.

– Неужели и правда была такая легенда? Я прожила тут всю жизнь... и никогда о таком не слышала!

Я сорвал с порезанного пальца съезжившийся пластырь и, скомкав его, щелчком отправил в море. Все равно от него толку ноль.

– Конечно, нет, – мягко ответил я. – Я все сам придумал.

– Сам, – повторила за мной Марина, и от меня не ускользнуло прозвучавшее в ее голосе разочарование. – Мне следовало бы догадаться. Ты всегда отличался специфической фантазией... у меня даже твои стихи сохранились. Помнишь?

Я кивнул.

– Ой, Витя!

– Что?

Марина ахнула, указывая куда-то на небо:

– Кажется, началось! Только что там промелькнула комета!

Я обернулся, вглядываясь в небесно-смоляной купол.

– Вон, вон там!

Несколько секунд ничего не происходило, и мы с замиранием сердца смотрели в небо. Я уже хотел было сказать, что, вероятно, звездопад начнется чуть позже, как внезапно бархатистый небосвод словно рассекли надвое. Марина вновь ахнула, вцепившись в мой локоть.

Это было непередаваемо. Небо вспыхивало и мерцало, как живое, казалось, кто-то огромный и одновременно невидимый швыряет пылающие угли, каждый из которых оставлял за собой радужный шлейф.

– Смотри... какое созвездие, – зашептал я, указывая на небо. – Видишь? Если соединить звезды линиями, получится твое лицо. Ты видишь?

Марина засмеялась:

– Никогда бы не подумала. Такое придумаешь.

«Потому что я люблю тебя», – подумал я.

– Выбирай звезду. Любую, – тихо предложил я.

– И что? – снова улыбнулась она. – Ты подаришь мне ее?

– Я подарю тебе все звезды, – сказал я совершенно серьезно. – И ты это знаешь.

Она прижалась ко мне, и некоторое время мы просто молча стояли, обнявшись.

– Боже, какая красотища! – наконец восхищенно прошептала Марина. – Спасибо тебе!

Я скромно промолчал, предоставляя ей самой по достоинству оценить мои усилия. В самом деле, не каждый день можно стать свидетелем столь потрясающего зрелища.

– Расскажу ведь, не поверят, – продолжала Марина. – А если представить, что каждая звезда – чья-то жизнь?

– На самом деле с точки зрения науки падают вовсе не звезды, – сказал я, решив блеснуть эрудицией. – Вообрази себе комету. При многократном прохождении ее по своей орбите ее ядро распадается, в результате чего появляются мельчайшие частицы. Они врезаются в атмосферу нашей Земли со скоростью более чем 60 километров в секунду. В процессе трения о воздух они сгорают в земной атмосфере, отчего и образуется так называемый «звездопад».

– Да?

Судя по всему, научная справка не вызвала у Марины особого восторга.

«Конечно, – подумал я с недовольством, – куда приятней думать, что это действительно сгорают звезды, а не какие-то гребаные песчинки от ядра кометы...»

– Может, выпьем вина? – предложил я.

Она кивнула, и я, выудив из пакета бутылку, принялся возиться с пробкой. Марина покосилась на мой перочинный нож, но ничего не сказала.

– За тебя, – произнес я, поднимая пластиковый стаканчик.

– За нас, – добавила Марина, и мы, коснувшись нашими «бокалами», выпили.

– А теперь... Держи, – сказал я, протягивая ей бархатистую коробочку. – Надеюсь, с размером угадал.

Марина расширенными глазами смотрела на подарок, и в какое-то жуткое мгновение вместо своей любимой я увидел ее отца, нагло ухмыляющегося и отвратительно пахнущего потом и табаком. Я протягивал ему руку, а он с презрением смотрел на меня, словно раздумывая – плюнуть мне на ладонь или просто сразу дать в морду...

Рот наполнился слюной, горькой и вязкой, и я почувствовал себя канализационной трубой, пропускающей сквозь себя всякое дерьмо.

Да.

Именно дерьмо.

Дерьмо все это. Дерьмо ваш занюханный поселок, дерьмо ваша лодка, воняющая рыбой, дерьмо ваша «Улыбка», от которой во рту так дерьмово... и вообще. Дерьмо все на свете.

«Сейчас она скажет, что не может принять от меня такой дорогой подарок. Тогда я выброшу это кольцо в море. А потом...»

«А потом – ее, Марину. Следом за колечком», – прошелестел ненавистный голос, и я зажмурился.

– Какое чудо, Витя.

Я открыл глаза, гадая, не ослышался ли я.

Колечко было на ее безымянном пальчике и сидело на нем словно влитое, а прохладный лунный свет играл бликами на благородном металле.

– Оно просто замечательное, – призналась Марина, любуясь подарком. – Это что? Неужели бриллиант?!

Я кивнул, чувствуя, что краснею.

– Спасибо, Витя.

Она чмокнула меня в щеку и перевела взгляд в сторону берега.

– Ну, поехали? Сегодня дождь обещали. Смотри, и ветер усилился...

«Куда поехали?» – заторможенно подумал я.

«На берег, – терпеливо пояснил внутренний голос. – Она пойдет на дискотеку. А ты будешь сидеть на берегу, ждать утреннего автобуса. Пойдет дождь – залезешь под сгнившую лодку, как помойный пес. А вздумаешь припереться на дискотеку, получишь по яйцам».

– Ты не поняла, что означает мой подарок? – тихо спросил я.

Марина беспечно пожала плечами, словно я спросил ее, который час.

– Ты меня любишь, – ответила она после короткой паузы. – Разве не так?

– Я хочу тебя забрать отсюда.

Марина опешила.

– Как это «забрать»? Я тебе что, запасные брюки, что ли?

Я почувствовал, как в висок что-то кольнуло. Будто острие булавки проткнуло тонкую кожу.

– Я не понимаю, при чем тут брюки. Мы любим друг друга. Почему мы не можем быть вместе? У меня есть где нам жить. Мы подыщем тебе институт. У тебя будет работа. Я буду рядом с тобой. А что тебя ждет в этой дыре, Марина?

– Дыра? – возмутилась она. – Я родилась в этой дыре. И я знаю, куда мне поступать. На экономический факультет Политеха, в Краснодаре. И с работой мне папа поможет.

– Не сомневаюсь, – как можно спокойней ответил я, с ужасом ощущая, как внутри меня, медленно расправляя кривые лапы, просыпается нечто уродливое и отвратительное, нечто такое, что можно увидеть разве что в ночных кошмарах. – Вероятно, твой папа и жениха тебе подберет?

– Куликов, ты специально хочешь, чтобы мы поссорились? – холодно спросила Марина. Она сняла с пальца кольцо.

– Не думай, что, если сделал мне дорогой подарок, тебе все позволено.

При виде того, как она протягивает мне колечко, у меня защипало в глазах.

– Я так не считаю, родная. Я хочу, чтобы ты была счастлива, – пробормотал я, едва сдерживаясь, чтобы не заплакать. – Пожалуйста, надень его обратно.

– Я надену его, если ты будешь честным со мной, – сказала Марина, глядя на меня в упор.

– Разве я когда-нибудь врал тебе? – с недоумением спросил я. Обида выжигала нутро, словно каленым железом.

– Не знаю.

Я зачарованно глядел, как она бесцеремонно перебрасывала мой подарок из ладонки в ладонку, будто в ее руках было не дорожное кольцо с бриллиантом, которое обошлось мне в девять с половиной тысяч рублей, а обкатанный морем камушек.

– Так ты ответишь? – настойчиво спросила она.

– Конечно. Задавай любой вопрос.

– Я хочу знать правду про твоих родителей. Про твоих настоящих родителей, – подчеркнула Марина.

– Я же говорил тебе.

– Да, ты говорил. Ты рассказывал, что они погибли в аварии. Но у меня другие сведения, Витя.

Я непонимающе уставился на нее.

– Какие у тебя могут быть сведения? И как мои мертвые родители могут повлиять на наши чувства?! Я ничего не понимаю!

Марина вздохнула.

– Твои папа с мамой – никак. На наши отношения может повлиять ложь. Ты подтверждаешь свои слова? Я про аварию, о которой ты рассказывал.

– Солнышко, я...

– Просто скажи, подтверждаешь? – перебила она меня.

Кольцо продолжало прыгать в ее руках, как теннисный мячик на корте. Туда-обратно, туда-обратно. А я пялился на это, как истукан.

– Все ясно. Отвези меня домой, – сказала Марина, и внутри у меня все оборвалось. Перед глазами в тысячные доли секунды пролетели кадры давно минувших лет, которые, как мне казалось, я давно похоронил в самых отдаленных закоулках своей памяти.

– Постой. Я все тебе расскажу, – тихо промолвил я. – Только... я очень тебя прошу. Давай не в эту ночь.

– Папа сказал, что ты сумасшедший, – так же тихо сказала Марина. – И что твой отец был безумен. Поэтому... Витя. Или ты все расскажешь мне прямо сейчас, или мы прощаемся. Я не могу общаться с парнем, если не могу ему доверять.

«Справедливое заявление, как думаешь?» – заворочался внутри меня колючий уродец, и я скрипнул зубами.

Прошлое не хочет меня отпускать. Даже спустя одиннадцать лет.

– Хорошо. Я все тебе расскажу.

Я набрал в легкие воздуха, готовясь приступить к повествованию, как неожиданно с моря донесся хриплый крик. Услышав его, я отпрянул, словно получив пощечину.

Это был ее отец.

И он звал Марину, свою дочь.

* * *

– Твою дивизию, – побледнев, пробормотала Марина. – Вот и приплыли. Теперь нам обоим крышка.

– Родная...

– Замолчи, – раздраженно оборвала меня она.

– Марина-а-а-а-ааа!!! – снова заорал Петр Сергеевич.

Лихорадочно роясь в сумочке, она достала мобильник и, глянув на экран, едва не застонала:

– Он мне звонил! А я, дура, забыла снять с беззвучного...

– Идем вниз, – предложил я, взяв себя в руки. – Поговорим начистоту. Я не собираюсь прятаться, как таракан в щели.

– Он наверняка с братом. Они тебя отметелят будь здоров, – фыркнула Марина, начиная спускаться.

«Плохого же ты мнения обо мне», – с горечью подумал я. Одновременно ко мне закралась мысль, что сегодня днем мне стоило громадных усилий, чтобы не ответить старому козлу после того, как тот расквасил мне нос.

Марина.

Моя любимая девочка.

Только мысли о ней удерживали меня от того, чтобы не перегрызть сегодня глотку этому вонючему уроду.

Спускаясь вниз, я обратил внимание, что луну заволокло тучами, а с моря подул холодный ветер. Волны, будто проснувшись после долгой спячки, взбудораженно накатывали на валуны, с каждой секундой все сильнее и сильнее, как если бы намеревались полностью затопить Утес Прощенных.

Впереди мелькнул черный силуэт лодки, на которой возвышались две фигуры.

– Стой! – крикнул я Марине, видя, что она начинает разуваться. – Мы сами поплывем к ним! Они не смогут пристать сюда – слишком сильные волны!

– МАРИНААААААА!!!

От этого хриплого вопля у меня на руках волосы поднялись дыбом.

Петр Сергеевич наверняка пьян. Нетрудно предположить, что, как только моя любимая окажется в его лодке, он попытается воплотить в жизнь свою сегодняшнюю угрозу оторвать мне яйца.

Я снял цепь с камня и, поскользываясь на мокрых валунах, пробрался к лодке. Захлестнувшая меня волна показалась ледяной, и я поежился.

– Залезай! – крикнул я Марине, и она, помешкав, начала осторожно спускаться.

– Оставайся на месте!! – проорал Петр Сергеевич. – Марина! Не смей садиться к нему!

– Не слушай его, – сказал я, толкая лодку перед собой. Порывы ветра расшвыривали мои слова, как хлопья ваты. Подтянувшись на руках, я не без усилий перекинул ноги в лодку. Схватившись за весла, я принялся грести изо всех сил.

– Стой! Витя, стой! – закричала Марина. Она вцепилась в мою руку: – Ты куда?! Ты гребешь в обратную сторону!

– Он сейчас не в себе, – стараясь не встречаться с ней взглядом, сказал я. – Твой отец может ударить тебя.

– Марина!! – завопил другой голос, и я понял, что он принадлежит ее родному брату. Если мне не изменяет память, его звали Иваном.

– Марина, он к тебе приставал?! – снова крикнул он.

– Господи, как вы мне все надоели, – устало произнесла девушка.

Я продолжал молча грести. Ветер усилился, и даже отсюда было слышно, как волны с грохотом разбиваются об Утес Прощенных.

– Сука, куда?! – заорал Петр Сергеевич, сообразив, что наша лодка начинает плыть в противоположную сторону от берега.

– Витя, если ты не остановишься, я выпрыгну в море, – вдруг сказала Марина.

Я замер. По виску скатилась струйка пота. Мне казалось, что я слышу, как колотится ее сердечко – тук-тук, тук-тук, тук-тук... так громко, как если бы оно стучало у меня в мозгу... быстро, словно игла в швейной машинке...

На мой нос шлепнулась прохладная капля, и я не сразу понял, что это с неба.

Неужели будет дождь?

– Ты меня слышишь?! – повысила голос Марина.

«Она боится. Не усугубляй и без того сложную ситуацию, – прошипела сидящая внутри меня тварь. – Ты по уши в дерьме... Таня. Хи-хи!»

– Я не Таня!! – закричал я, схватившись за голову.

Марина испуганно попятилась назад, и, взглянув в ее белое как мел лицо, я испугался.

– Не... не бойся меня, – сказал я, вымученно улыбаясь. – Я ведь люблю тебя.

Лодка с ее отцом и братом быстро приближалась и вскоре остановилась от нас в паре метров, покачиваясь на волнах.

– Тебе надо было накатить с Павлом, тряпка! – крикнул Петр Сергеевич. – Ты обидел его, когда отказался с ним выпить. Вот он и сдал тебя, романтик. Как говорится, хотел в рай перескочить, да по дороге штаны порвал. Хрен тебе в задницу.

«Дядя Паша», – подумал я с отчаянием.

Старый алкаш все рассказал отцу Марины.

– Ты ведь обещала мне! – едва сдерживаясь от бешенства, процедил Петр Сергеевич, переключив внимание на дочь. На нем была тельняшка и камуфляжные штаны. – Обещала, что не будешь общаться с этой городской тряпкой!

– Папа...

– Ты обманула меня. Дважды. Первый раз, когда клялась, что не переписываешься с этой шлюхой «Таней». Второй раз, когда соврала, что идешь на дискотеку. Быстро лезь в лодку!

Марина тупо смотрела перед собой, затем медленно встала.

– Я помогу тебе, – с готовностью сказал Иван, протягивая руку. – Бать, давай ближе...

Наши лодки гулко ударились бортами, и Марина взмахнула руками, стараясь удержать равновесие.

Я сидел сгорбившись, словно оглушенный. Боковым зрением я мог наблюдать, как моя любимая, ойкая, перелезала в лодку к своей родне.

«Она даже не поцеловала меня. Она даже не коснулась меня. Она даже не посмотрела на меня», – тупо повторял я про себя эти идиотские фразы вновь и вновь, как заезженная пластинка.

Где-то вдалеке утробно пророкотали первые раскаты грома.

– С тобой я поговорю дома, – ничего не выражающим голосом произнес Петр Сергеевич и повернулся ко мне: – Ну, а теперь ты, рыцарь х. ев.

– Вы не имеете права меня оскорблять, – тихо промолвил я.

Иван прыснул от смеха.

Я поднялся на ноги. Волны лениво кружили наши лодки по кругу, то отдаляя, то вновь приближая друг к другу, словно в каком-то затейливом танце.

– Имею. Дочь, ты знаешь, с кем сегодня ты провела вечер?

Марина непонимающе посмотрела на отца:

– Ты... папа, ты о чем?

И тут Петр Сергеевич произнес фразу, которая сразила меня наповал. Которая намертво врезалась в мою память. Которая потом снилась мне каждую ночь.

– Это убийца. *Этот парень убил своих приемных родителей.*

Марина обмерла.

– Папа, – с трудом выговорила она. – Папа, этого не может быть.

Вторая капля упала на мою щеку, затем еще одна. Я вытер ее и лизнул.

Пресная.

Точно, будет дождь.

– ...я же говорил, что проверю этого гаденыша. Вот и проверил. Мне только что из городского управления позвонили. Я сегодня отправил на него запрос...

Прокуренный голос отца Марины просачивался как в липком тумане.

– ...Два дня назад его родителей нашли зарезанными в ванной. Есть свидетели, его видели на улице в крови. Этого психа объявили в розыск... а он сюда, к нам рванул...

Я поднял голову, наткнувшись на сверлящий взгляд Ивана. Он больше не улыбался, а хмуро разглядывал меня. Я подумал, что с точно таким же выражением наблюдают за полураздавленной змеей, которую переехал велосипед. Она еще пытается извиваться, яростно шипит, но ее круглые блестящие глазки уже тускнеют, а движения становятся все более слабыми и вялыми. Ее ядовитые зубы уже не страшны. А когда она сдохнет, ее обмякшее тело пнут, как дырявый шланг, и все.

– ...я знал, что рано или поздно этим все закончится, – продолжал Петр Сергеевич. – Я всегда вижу людей насквозь.

Полил дождь. Я высунул язык, как собака, пытающаяся поймать снежинки. После этой долбаной «Улыбки» во рту остался стойкий привкус муската. Ненавижу вино.

– Витя, это правда?

В этом дрожащем, как огонек свечи, голосе было столько невыносимой муки, что мне захотелось выть. Выть, как попавший в капкан волк, задрав морду на луну.

Я посмотрел вверх. Все небо было затянуто вязко-серой пеленой. Ни луны, ни звезд.

Ни одной звездочки.

Что мне теперь делать?!

– Витя, – тихо позвала меня Марина, но я не решился взглянуть на нее. Что толку сейчас ей что-то объяснять? Пока здесь ее папаша и брательник, любые разговоры бесполезны. С таким же успехом можно было разговаривать с лодкой, воняющей тухлой рыбой.

Петр Сергеевич что-то негромко сказал Ивану, и спустя мгновение я почувствовал, как меня повело вправо. Оглянувшись, я увидел, что отец Марины держится за борт моей лодки, в то время как Иван перепрыгнул ко мне.

В его руках бряцнули наручники.

– Протяни руки, урод, – приказал он, надвигаясь на меня.

Я покачал головой.

– Хочешь поговорить о красоте, Иван? – спросил я.

– Если ты не подчинишься, я прострелю тебе колено! – рявкнул Петр Сергеевич. – Быстро!

Наши взгляды пересеклись. Вероятно, то, что отец Марины увидел в моих глазах, ему не понравилось, так как он вытащил из-за ремня пистолет.

– Ваня! – крикнул он, но было уже поздно – я прыгал в их лодку.

Пронзительно закричала Марина, но ее крик заглушил мощнейший раскат грома. Кажется, небо, не выдержав, разверзлось, выпуская наружу самого дьявола. Обжигающим зигзагом сверкнула молния, на мгновение ослепив меня.

Раздался выстрел, и мою руку кольнуло стальным жалом. Я навалился на мужчину, пытаюсь выхватить из его руки пистолет.

– Витя, нет! – завизжала Марина. – Пожалуйста!! Перестаньте!!!

Ба-бах!

Я запоздало подумал, что пистолет вновь выстрелил. Интересно, куда улетела пуля?

– Сука, убью тебя, – прошипел Петр Сергеевич. Он плюнул мне в лицо. – Убью своими руками!

– Батя! – испуганно закричал где-то за спиной Иван. Судя по всему, после моего прыжка лодка по инерции отдрейфовала на пару метров в сторону, и он не успел перебраться к нам. – Батя, я щас!..

Левой рукой отец Марины ударил меня в лицо, и моя голова мотнулась в сторону. Во рту появился привкус крови.

– Отпусти ствол, – захрипел он.

Я наклонился к нему так близко, что наши лица почти соприкасались. От Петра Сергеевича несло перегаром, к которому добавлялась вонь табачного дыма.

«А еще от тебя пахнет страхом, козел», – подумал я и, зажмурившись, с силой ударил его лбом в нос. Раздался хруст, и он издал яростный вопль.

Перед глазами запрыгали искрящиеся зайчики, и я торопливо моргнул пару раз, прогоняя их.

Видя, что рука с пистолетом вновь поднимается, я ударил по ней ногой.

Третий выстрел.

Нагнувшись, я вырвал оружие из ослабевших пальцев своего несостоявшегося тестя.

– Вы и вправду были готовы убить меня? – проникновенным голосом спросил я. – Вам раньше приходилось убивать человека?

– Сука! – прорычал Петр Сергеевич, и я снова лягнул его ногой, метя в ребра. Он закашлялся, схватившись за живот.

Сзади раздался плеск. Оглянувшись, я увидел барахтающегося в воде Ивана. Очевидно, пытаюсь перелезть в нашу лодку, он оступился и свалился за борт. Это неожиданно развеселило меня, и я тихо засмеялся.

Никчемные придурки. Что папаша, что его ублюдочный сынок.

– Как водичка? – осведомился я.

– Убью тебя, урод! – захлебываясь водой, прокричал Иван.

Я достал из кармана перочинный нож, выдвигая лезвие.

И когда рука полупьяного парня схватилась за борт, я полоснул по его пальцам. Завизжав, Иван мгновенно отпустил лодку, отплывая назад.

– Ты похож на собачку, – сказал я, улыбаясь. – Тяф-тяф!

Обернулся.

Хлюпая кровью из разбитого носа, Петр Сергеевич полз к Марине. Она почему-то лежала у самого носа лодки, смешно задрав левую ногу – как будто собиралась выпрыгнуть, но на полпути внезапно заснула.

– Дочка?! – ошеломленно спросил он, трясая ее словно куклу.

Я шагнул вперед и, наклонившись, точным движением вогнал ему нож в шею.

Петр Сергеевич вздрогнул и медленно повернулся на спину, оказавшись между ног Марины.

Мокрое платье моей возлюбленной наполовину скрыло его искаженное лицо.

– Бульк, – выдавил он. Из рта побежала кровь – черная и блестящая, как тушь.

Дождь уже не просто лил, он хлестал, как из бочки. Из огромной, разбухшей, бездонной бочки.

За спиной вновь послышалась какая-то возня, и я раздраженно обернулся. Дрожа и стуча зубами от холода, на лодку вскарабкивался Иван.

– Парень, не надо, – забормотал он, машинально слизывая кровь с раненой руки. – Ты что творишь? Ты что творишь?!

Мой взгляд упал на весло. Резким движением вырвав его из уключин, я поднял его над головой.

– Эй, парень... ты что? Эй, ты что?! – заверещал Иван, закрывая голову руками.

– Хочешь поговорить, кто из нас урод? – прокричал я, обрушивая на него весло. Звук был такой, будто я ударил по дереву.

Он застонал и, шатаясь, сел на борт. Из раны на голове хлынула кровь.

– Не надо, – прошептал он.

Он что-то еще проговорил, но я ни черта не слышал из-за вновь прогремевшего грома. Ощущения были сродни взрывающимся бомбам, разве что дыма и пыли не хватало. Да мне, в общем-то, было чихать на то, что вещал никудышный брат Марины. Что может сказать этот лишнехромосомный, у которого в словарном запасе три с половиной слова?!

После второго удара руки Ивана повисли тряпками, и сам как-то скукожился, словно обгорелый башмак.

– Я тебе скажу, кто из нас урод, – пропыхтел я, снова замахиваясь веслом. – Из нас двоих только один урод. Но я точно знаю, что это не я.

Весло с гулким стуком опустилось на голову молодого человека. Раздался хруст – от удара треснула лопастная часть весла. Обмякшее тело Ивана, мгновение балансировавшее на борту, опрокинулось за борт словно корзина с грязным бельем и стало быстро погружаться под воду.

– Поэтому урод – это ты. Понял! Понял, я спрашиваю?! – провизжал я, брызгая слюной. Ударил несколько раз веслом по волнам, затем швырнул его в воду.

– Я не урод, – прошептал я. – Я нормальный. Это вы... вы все уроды. На целом свете одни уроды. Все, все, все... Кроме меня. Да, кроме меня, – бубнил я и, спохватившись, добавил: – Меня и Марины.

Я посмотрел на любимую.

– Марина?

Она молчала.

Ее отец ворочался на дне лодки, забрызгивая все вокруг кровью. Ему удалось вытащить из шеи нож, и теперь он пытался доползти до меня.

– Петр Сергеевич, перестаньте, – устало сказал я. Он вцепился в мою ногу, но я без труда освободился, выдернув ее из слабеющих пальцев мужчины.

– Ма... Ма, – прохрипел он. Кровь хлестала толчками из пронзенной шеи, и падающий стеной дождь тут же превращал ее в розовую воду. – Убил... Мари... Мариночку...

Он поднял бледное лицо. Даже в окружавшей нас мгле я видел застывший в его глазах ужас. Наверное, он понял, что умирает.

– Ты... ты...

Я присел на корточки и без труда вынул из его окровавленных пальцев нож.

– Что «я»? Что «я», Петр Сергеевич? – мягко спросил я. – Говорите. Я вас очень внимательно слушаю.

– Ты...

Всхлипнув, он протянул ко мне трясущуюся руку. Узловатые пальцы были растопырены, как громадные паучьи лапы.

И когда он схватил меня за футболку, я воткнул лезвие в его правый глаз.

Пальцы Петра Сергеевича сжались еще сильнее, а тело выгнулось дугой. Из пробитой глазницы выполз багровый кисель.

– Не хотите помириться со мной? – хрипло полюбопытствовал я. Сунул в его липкую дырку-глазницу указательный палец, подумав, что это очень похоже на теплую манную кашу.

Его ноги заелозили и, вытянувшись, застыли.

Я вынул палец и, брезгливо осмотрев его, долго держал под дождем, пока он не стал чистым.

Только после этого я почувствовал, как болит левая рука.

Старый козел все-таки ранил меня.

(Марина!)

Пожалуй, нужно плыть к берегу. Иначе...

(Марина!!!)

Я замер на месте, тупо глядя перед собой.

«Ты окончательно помешался, – хихикнуло существо, завожившись где-то под сердцем. – А говоришь – любишь ее...»

– Люблю, – не слишком уверенно проговорил я и медленно, словно проржавевший робот, развернулся.

Она лежала точно в такой же нелепой позе, неуклюже раздвинув ноги.

– Родная? – пролепетал я.

(Ма... Мариночку убил.)

Предсмертные слова Петра Сергеевича крючьями прорвали сознание.

Выстрелы.

Конечно, пока мы возились, пистолет несколько раз выстрелил...

Я кинулся к Марине. Опустившись перед любимой на четвереньки, я принялся осыпать поцелуями ее бледное, застывшее лицо.

– Милая, – шептал я. – Милая, открой глаза. Это я. Я рядом, милая.

Дрожащими пальцами я коснулся ее шеи. Казалось, целую вечность ничего не происходило, и мысли, одна кошмарнее другой, напоздали друг на друга уродливыми рептилиями, пока я, наконец, не почувствовал слабый пульс.

О боже, она жива!

Жива, хоть и без сознания.

С величайшей осторожностью я принялся ощупывать ее тело и после нескольких минут наткнулся на огнестрельную рану в правом плече. Похоже, пуля прошла навывлет.

Я в растерянности оглянулся. Вокруг сплошная завеса дождя, который, похоже, и не думал прекращаться. Волны качали лодку, как перышко, и я всерьез опасался, что еще немного, и нас попросту перевернет. Что я тогда буду делать?!

Моей лодки нигде не было видно. Если я хотя бы знал, где она, то мог бы доплыть и забрать второе весло.

Черт!

Теперь я проклинал себя за то, что выбросил весло в море.

Наконец-то до меня начал доходить весь ужас происходящего, и страх перед будущим сковал все мои мышцы, превращая бегущую по жилам и сосудам кровь в алые хрусталики льда.

Мы одни в открытом море.

У меня только одно весло.

Марина ранена. Я тоже ранен.

Я посмотрел наверх. Было бы глупо рассчитывать, чтобы луна, моя верная подруга и советчица, выглянула из-за этого свинцово-серого ада, стреляющего обжигающими молниями.

Затем я перевел взор на Петра Сергеевича.

Когда Марина придет в себя, она не должна ничего знать.

Кряхтя от напряжения, я принялся подтаскивать труп к борту. Перед глазами все плыло и раздваивалось, кровотечение в простреленной руке усилилось, но в конце концов мне удалось сбросить с лодки этот мешок с дерьмом.

После этого я снял с себя майку и, сложив ее наподобие салфетки, прижал рану в плече любимой. Придерживая импровизированный «тампон» рукой, я, словно верный пес, устроился на днище лодки, возле ног Марины.

Сейчас это все, что я мог для нее сделать.

Дождь постепенно стихал, но лодку продолжало раскачивать, и на мое лицо то и дело падали соленые брызги.

«Вы умрете», – зашептал внутренний голос.

– Наверное, – разлепил я губы.

«Не наверное, а точно, – настаивала тварь. – У вас нет воды. Вы ранены. Вам нужен врач. А вас несет в открытое море».

– Плевать. Доживем до утра, – сонно пробормотал я.

«А еще ты убийца. Если тебя поймут, то тебя упекут в тюрьму, – захихикало существо. – И ты никогда не увидишь свою Марину».

– Пошел на хрен, – прошелестел я.

Голос еще что-то нудно бубнил, но я закрыл глаза.

Я рядом с любимой, и больше мне ничего не надо.

По крайней мере, сейчас.

* * *

Я разлепил глаза, когда горизонт окрасился золотистыми лучами просыпающегося солнца. Поднял голову, взглянув на Марину. Ее лицо было бледным и осунувшимся, а дыхание с прерывистым хрипом вырывалось изо рта.

Я сел, оглядываясь по сторонам.

Вода. Кругом одна вода.

Бескрайнее море, куда ни посмотри.

С моих губ сорвался протяжный стон. Куда плыть? В какой стороне берег?!

Я придвинулся к оставшемуся веслу, раздумывая. Пока я решал, куда плыть, слева что-то тихо булькнуло, и я, встрепенувшись, повернулся на звук. Пальцы сжали весло с такой силой, что из затянувшейся раны на руке вновь заструилась кровь.

В воде, буквально в десятке метров от нас, был человек. Его неподвижное разбухшее-фиолетовое тело лениво покачивалось на волнах, и я почувствовал подкатывающую тошноту. Кто это?!

«Наверное, Петр Сергеевич, – зевнула тварь, которая, судя по всему, проснулась одновременно со мной. – Вот Марина обрадуется, когда его увидит, правда?»

– Заткнись, – процедил я.

Это не мог быть отец Марины. Просто потому, что он давно на дне, кормит рыб и крабов. Просто потому, что он был в одежде, когда я выбрасывал проклятого ублюдка за борт. Не волны же сорвали с него штаны и тельняшку?!

Да, это не Петр Сергеевич.

И не Иван.

Тогда кто это?!

Превозмогая выжигающую боль в раненой руке, я начал потихоньку грести, приближаясь к мертвецу. Несмотря на то, что мужчина лежал спиной вверх, что-то в нем мне показалось знакомым.

Я сглотнул подступивший липкий комок, разглядев на морщинистом предплечье трупа блеклую татуировку в виде волчьей пасти.

Нет.

Нет, нет, нет!

– Этого не может быть, – потрясенно произнес я, как загипнотизированный глядя на утопленника. В правой раздувшейся руке тот сжимал большой молоток, от ударного бойка которого расплывались струйки крови, тут же обесцвечиваясь.

«Вот вы и встретились».

– Нет!! – закричал я, отскакивая от весла, словно его лопастная часть пылала нестерпимым жаром, как раскаленная кочерга. – Ты умер!!!

Труп повернул голову, подмигнув мне.

Преисполненный ужаса вопль рвался наружу, но все, что я мог делать, – только глубоко и часто дышать, как после изнурительного марафона. Губы бессвязно шевелились, не издавая даже писка.

В воде был отец. Покрытый застарело-глубокими порезами, абсолютно голый, с молотком в руке. С тем самым молотком, которым он до смерти забил мою мать и чуть не убил меня.

Тяжело плюхая по воде опухшими руками, он поплыл ко мне.

– Куда же ты? – ухмыльнулся отец, видя, что я вновь кинулся к веслу, начиная судорожно грести назад. – Куда ты, сынок? Мы тогда так и не договорили...

Я остервенело греб, но в силу непреложных законов физики лодка бестолково крутилась на месте, и вскоре отец приблизился ко мне вплотную. Словно в кошмарном сне я видел, как его посиневшие руки по очереди цепляются за борт лодки. Вскоре из воды появилось его лицо – почерневше-отекавшее, с выпученными, как у какого-нибудь насекомого, глазами. В желтых зубах был зажат молоток.

– Прифет, фынок, – не разжимая челюстей, сказал он, и я закричал...

...закричал так сильно, что поперхнулся, закашлявшись.

Я сел, испуганно озираясь по сторонам.

«Сон. Боже мой. Всего-навсего лишь гребаный сон».

Мой взгляд сфокусировался на Марине, которая, сторбившись, сидела на противоположном конце лодки. В одной руке любимая держала свой мобильник, другой стискивала нож. Мой перочинный нож.

И его поблескивающее в лучах солнца лезвие, подрагивая, смотрело прямо на меня, словно хромированный язык механической кобры.

– Не приближайся ко мне, – дрожащим голосом проговорила она. Под глазами Марины темнели круги, глаза мерцали лихорадочно-болезненным блеском, и я понял, что она больна.

– Ты ранена, – сказал я, указывая на ее окровавленное плечо.

– Где мой отец? Где брат? – задала она вопрос, словно не слыша меня.

Я пожал плечами.

– Они уплыли.

– Ты врешь! – закричала Марина, и ножик в ее руке затрясся еще сильнее. – Папа никогда бы не оставил меня с тобой!

– Тогда почему он не забрал тебя? – спокойно поинтересовался я. – Поверь мне. Когда он выстрелил в тебя, он сказал – забирай эту шлюху. Мол, я не хочу больше знать ее. После этого он с твоим братом сели в нашу лодку и уплыли. А ты потеряла сознание.

– Нет.

Глаза Марины наполнились слезами.

– Нет, ты врешь.

Я вздохнул.

– К сожалению для тебя, я говорю правду.

– Папа был прав? – тихо спросила она, и я напрягся, моментально сообразив, что она имела в виду.

– Посмотри на меня, Витя. Ты убил их? Убил своих новых родителей? – свистящим шепотом спросила Марина, и я посмотрел ей в глаза. Громадные, темно-серые, они так пристально разглядывали меня, что я почувствовал себя беззащитным черепашонком, которого хищная птица, желая полакомиться, вырвала из панциря.

– Никогда я не делал ничего плохого своим родителям, – как можно спокойней ответил я. – Они дома, и с ними все в порядке.

– Я верю своему отцу, – покачала головой Марина. Очевидно, она устала держать руку в вытянутом положении и опустила ее.

Когда стальной змеиный язычок перестал на меня пялиться, я почувствовал себя намного уверенней.

– Он просто хотел окончательно нас рассорить, – промолвил я. – Вот и все объяснение.

– Это правда?

– Клянусь тебе. Клянусь своим сердцем, которое любит тебя.

Марина устала в телефон. По ее щеке скатилась слеза.

– Не работает, – всхлипнула она и подняла на меня изможденное, усталое лицо. – Он промок и не работает.

Я сунул руку в карман джинсов, но телефона там не обнаружил. Вероятно, выпал во время вчерашней потасовки. Я часто теряю телефоны, ничего с этим не поделаешь...

Стараясь не делать резких движений, я придвинулся ближе, и Марина заметила это.

– Ты не сделаешь мне больно? – с усилием проговорила она.

– Я люблю тебя больше всего на свете. Как я могу причинить тебе боль?

После этих слов слезы хлынули из глаз любимой, и я поспешил обнять ее.

– Господи... Господи, Витя... Что с нами будет? – рыдала она, уткнувшись лицом в мое плечо. – Почему так все вышло?! Почему?!!

Я осторожно гладил ее по слипшимся волосам, успокаивая.

– Мне... тяжело говорить, – шмыгая носом, сказала Марина. – Плечо болит так, что я не могу терпеть... О боже... мамочка...

Она снова заплакала.

– Нас скоро найдут, – сказал я, глядя на очистившееся небо. Визгливо крича, над головой пролетело несколько чаек.

«Найдут? – усмехнулось существо внутри меня. – Лучше бы не нашли. Потому что вас разлучат навеки. Наслаждайся этими минутами, парень».

А ведь эта гадина права, с удивлением отметил я.

«Значит, я буду растягивать эти минуты до тех пор, пока это будет возможно».

– Я хочу пить, – сказала Марина.

Я уныло выглянул за борт, словно рассчитывая там увидеть плавающие бутылки с минералкой.

– Я тоже хочу пить, малыш. Но эта вода нас не спасет. Впрочем, когда станет совсем невмоготу, придется пить из моря.

– Меня стошнит, – угрюмо произнесла она.

Я ничего не ответил, незаметным движением подобрав нож, который Марина положила на дно лодки. Несмотря на сильный ливень, вода, скопившаяся на днище, была бледно-розового цвета. Чья эта кровь? Моя, Петра Сергеевича? Или моего любимого котенка Марины?

Какая разница.

Главное, чтобы любимая больше не задавала неудобных вопросов.

– Ты можешь грести? – с надеждой спросила она, и я кивнул.

– А куда плыть, знаешь?

– Конечно, – ответил я, выдавив обнадеживающую улыбку. – Вон, гляди. Восход солнца был там. Значит, берег... ммм...

Я наморщил лоб, изображая глубокий мыслительный процесс. Потом, словно осененный догадкой, ткнул пальцем наугад:

– Берег там.

Казалось, Марина была удовлетворена моими умозаключениями и, как следствие, принятым решением. Она слишком ослабла, чтобы спорить и настаивать на чем-то другом.

Поразмыслив, что управлять лодкой веслом в уключине будет крайне неудобно, я вырвал его и встал на корму лодки.

– Постарайся поспать, – посоветовал я, про себя отдавая отчет, что мое пожелание звучит как минимум глупо. Это все равно что советовать молиться человеку, который принял смертельный яд.

– Я хочу домой, – бесцветным голосом произнесла Марина. – Если ты меня любишь, отвези меня домой.

– Все будет хорошо, солнышко.

Морщась от боли, она съежилась в комочек, словно ей было холодно. Хотя на самом деле было уже достаточно жарко, притом что утро только начиналось. И я даже боялся думать, как мы переживем сегодняшний день. Потому что настоящий обжигающе-изнурительный солнцепек не за горами, укрыться от которого попросту нигде.

Я принялся грести, делая вид, что внимательно всматриваюсь в даль.

Пусть она считает, что мы плывем домой.

Потому что на самом деле, по моим расчетам, наша лодка плыла все дальше и дальше в открытое море. И никакого желания возвращаться на берег у меня не было.

Я прекрасно знал, что меня там ждало.

* * *

Прошло несколько часов.

Я вяло бултыхал веслом, скорее для видимости, и Марина, похоже, вскоре это поняла. Она снова сорвалась в истерику, обвиняя меня во всех смертных грехах, на что я терпеливо объяснил ей, что моя простреленная рука (между прочим, простреленная ее папашей) болит все сильнее и мне тоже нужна передышка.

Солнце медленно, но неуклонно двигалось к зениту. И с каждой минутой огненные лучи этого пышущего пламенем шара проникали в поры моей воспаленной кожи.

Марине повезло хоть в одном.

По крайней мере, она была местной и уже успела загореть, а моя бледная кожа мгновенно покраснела, как панцирь брошенной в кипяток креветки, и малейшее прикосновение к ней вызывало раздражающую боль.

Раненая рука постепенно распухла, превратившись в бесполезное бревно, но я старался не обращать на нее внимания. Лишь ненароком задевая простреленную конечность, я чуть слышно скрипел зубами, сдерживая стон.

Марина надела на голову мою грязную майку.

Молодец.

Это хоть как-то защитит от безжалостных лучей.

– Витя, – сказала она, сощурившись. – Витя, кажется, я вижу землю.

Она вытянула трясущуюся руку, и я взглянул в горизонт, расплывающийся в знойном мареве.

Ни черта там не было. Какая, в жопу, земля?!

Безбрежное море кругом.

Море без конца и края.

«Как дела, Таня? Трудно плыть в серной кислоте, да еще с одной ногой?» – осведомился омерзительный голос в моей голове, и я с досадой встряхнулся.

«Заткнись. Заткнись, ушлепок. И без тебя тошно», – приказал я.

– Ты видишь? – не унималась Марина. – Вон, берег! Скажи!

– Да, – соврал я. – Вижу.

– Ну, тогда, давай, гребь! – визгливо выкрикнула она. – Что ты встал? Что ты встал, как тупой баран, я спрашиваю?!

Я покорно зашлепал веслом.

Если она хочет, я буду грести в этом направлении. Я буду грести в любом направлении. Все равно там ничего нет. Нигде ничего нет. Кругом одно море, куда ни поверни взгляд.

В какой-то миг я начал всерьез думать, что так было всю мою сознательную жизнь – раскаленное добела солнце и зеркальная, прозрачно-синяя гладь моря, посреди которой затерялась наша маленькая, неказистая лодка...

– Я хочу пить, – снова захныкала Марина.

– Попробуй морской воды.

Она зачерпнула ладошкой, глотнула. Выплюнула, поморщившись.

Мой взор опустился на руки.

Где-то там, под кожей, пролегали вены и артерии, миниатюрные тоннели, по которым безостановочно циркулировала кровь. Глядя на вспученные от напряжения вены, я почему-то вспомнил одну историю, когда заблудившиеся в пустыне путники, оставшись без воды, вскрыли глотку верблюду. Кровь бедного животного помогла путешественникам, чьи организмы были обезвожены в результате долгих скитаний.

Глупости.

Даже если я вскрыю себе вены, Марина не будет пить мою кровь.

Я снова посмотрел вверх.

Где-то высоко в небе едва различимый взором самолет чертил молочный след. Марина, наблюдая за мной, тоже увидела его, и по ее осунувшемуся лицу скользнула робкая тень надежды:

– Они нас увидят?

– Наверное, – уклонился от прямого ответа я.

А что я еще должен был сказать?

Марина снова заплакала, а я показал самолету средний палец.

Хрен вам.

Летите, куда собирались лететь.

Марина задремала.

Она вздрагивала и хрипло стонала во сне, пальцы ее рук нервно сжимались и разжимались. Грязная, дурно пахнувшая, со спутанными в колтун волосами, бледная как смерть, она была великолепной. Нет, не великолепной, божественной!

Я улыбнулся потрескавшимися губами.

Моя любимая.

Чем дольше она будет спать, тем лучше для нас обоих.

«Ты считаешь, что поступаешь правильно? – осторожно поинтересовался донельзя знакомый голос. – Она же умирает»

– Смерти нет, – с трудом ворочая языком, произнес я. Казалось, в рот напихали стекловаты, а об шершаво-высохший язык можно было зажигать спички. – Наша жизнь... просто одна из стадий. И мы...

Я запнулся, так как мои слова прервал сухой, раздражающий нутро кашель.

– ...мы... просто вместе перейдем в другую стадию, – закончил я, когда приступ закончился.

«Греби к берегу. Оставь ее на суше, а сам плыви в какую хочешь стадию. Хоть в Турцию», – хмыкнула тварь.

Я засмеялся каркающим смехом.

– Нет, – покачал я головой. – Мы будем вместе.

Я повернул голову в сторону Марины:

– Любимая?

Она молчала.

– У меня... такое ощущение, что я...

Облизав сухим языком воспаленные губы, я продолжил:

– ...что я должен был кое-что сказать тебе. Хм... очень важное.

Марина вздохнула, невнятно пробормотав что-то в полудреме.

Я обратил взор на дно лодки и едва не закричал.

Молоток.

Окровавленный молоток с налипшими на ударном бойке волосами. Мамиными волосами.

Отшатнувшись, я поскользнулся на поперечной лавке, упав. Весло выскользнуло из рук с тихим бульканьем, начиная отдаляться от лодки, но в тот момент я даже не понял, что произошло.

– Нет, нет, – бормотал я в священном ужасе, закрыв лицо ладонями.

«Что случилось с твоими родителями, Витя?»

Голос Марины, казалось, сочился отовсюду, словно вязкая патока.

Конечно, я обещал ей рассказать. Тогда, на Утесе Прощенных.

Я нерешительно убрал руки от лица.

Никакого молотка в лодке не было. Конечно, откуда ему взяться. Его давно уничтожили, как вещдок по делу об убийстве моей матери...

– Я любил его, – сказал я, на мгновение задумавшись, не лукавлю ли я.

Пожалуй, нет.

– Я любил папу, – повторил я неизвестно зачем. – Он был... хорошим.

Память тут же подкинула мне недавний кошмар, в котором мой отец плыл за мной с молотком, и, несмотря на палящее солнце, по моей обгоревшей коже зазмеился колючий холодок.

– Он много пил, Марина. Перестройка, потеря работы... в общем, он закодировался. И когда он завязал с алкоголем, у него в голове произошли какие-то изменения. *Странные*

изменения. Будто в нем произошел необратимый сбой, как в механизме. Он ходил на работу. Он дарил моей маме цветы. Красивые букеты роз. Представляешь? Она любила розы. Он водил меня в кино и зоопарк. Но мне казалось, что иногда с нами живет совершенно чужой человек, а не папа. Ты меня понимаешь? Ты вообще слышишь меня, дурочка?

Марина ничего не ответила, и я неодобрительно покосился на нее.

«Я говорю, а она не слушает».

– Марина!

Веки девушки затрепетали, и она открыла глаза. Мутный, ничего не выражающий взгляд. Словно на тебя смотрит большая кукла с глазами из прозрачного пластика.

– Ты слышишь?

«Конечно, слышит, дурень, – лениво рыгнув, отозвалось существо. – Давай, не останавливайся. Я люблю слушать эту историю».

– Отвали, – приказал я, с болью ощущая, как оно деловито шуршит когтями где-то глухо боко внутри.

– Мне тогда только исполнилось семь лет. Утро было замечательным. Мы собирались пойти на спектакль – на носу был Новый год. Папа взял билеты, а мама планировала в магазин за продуктами. Мы завтракали, как вдруг отец поднял на мать глаза и совершенно спокойным голосом поинтересовался, зачем она развела в доме столько крыс. Мы с мамой удивленно переглянулись, а отец засмеялся. Он погрозил маме пальцем, мол, не нужно какие-то там секреты за моей спиной устраивать...

Я опустил в море руку, с наслаждением чувствуя мягкую прохладу. Зачерпнув немного воды, я поднес ее ко рту и одним махом выпил ее. Желудок мгновенно взбунтовался, угрожая вывернуться наружу вместе с поступившей внутрь влагой, но мне удалось сдержаться.

Конечно, это не фанта, блин. Морская вода – это морская вода. И все тут. На вкус – полный отстой, скажу я вам.

– Мама осторожно заметила, что в нашей квартире нет крыс, – продолжил я. – Ни крыс, ни мышей, ни даже тараканов. А я, признаться, даже украдкой под стол заглянул – вдруг там и правда сидит огромная крыса?! Но там все было чисто. Тогда отец опять тихо засмеялся и, поднявшись, стремительно вышел из кухни. Просто вышел и все, хотя перед ним стояла чашка с недопитым кофе и тарелка, на которой остывали блинчики с творогом. Моя мама делала обалденные блинчики. С вишней, с творогом, с печенью... Однажды она попробовала приготовить...

Я осекся, поняв, что начинаю молоть откровенную чушь, не относящуюся к делу.

– ...да, о чем это я? Он ушел из кухни, а мама внимательно посмотрела на меня. Я до сих пор помню этот взгляд, Марина. В нем смешалось все. Жалость, недоумение, боль и, наконец, страх. В коридоре что-то загремело, и лицо мамы перекосилось, как будто ей было больно. Мне стало страшно.

«Витенька... тебе придется уйти из дома, – сдавленным голосом сказала она. – Ненадолго. Папе... гм... папа немного не в себе».

Я посмотрел на свою тарелку, на которой остывал мой блинчик. Мама накрыла мою руку своей теплой ладонью.

«Витя? Ты меня понял?»

Уже спустя много лет я понял, что в тот момент она уже осознавала, какая смертельная опасность нам грозила...

«Хорошо, – пролепетал я, начиная вылезать из-за стола. В коридоре раздался смех папы, и я почувствовал, как моя кожа покрылась крупными пупырышками. Этот голос был каким-то неестественно чужим, и от этого мне стало еще страшнее.

«Нет! – сказала мама. Ее лицо быстро бледнело, как будто кто-то выкачивал из нее кровь. – Мы пойдем вместе».

«Мама... папа нам ничего не сделает?» – прошептал я.

Она погладила меня по голове, и я увидел, что ее рука дрожит.

«Все будет хорошо, – только и произнесла мама. – Ты быстро оденешься и выйдешь во двор. Я тебя провожу».

Я кивнул.

Вздыхнув, мама поднялась со стула, и мы уже собирались направиться в прихожую, как в коридоре неожиданно появился папа. Бесшумно, как привидение. Он был совершенно голый, даже без трусов и носков. В руке у него был молоток, и он улыбался. Но улыбался не обычной улыбкой, нет. Тогда мне почудилось, что его рот просто разъехался в стороны, как «молния» на сумке. И когда он шагнул вперед, замахаясь, я обмочился.

Глотка снова пересохла, но всего лишь плеснул морской воды на губы. Пить я больше не рискнул, хотя жажда все сильнее давала о себе знать.

– Марина?

Она уставилась на меня, будто бы видя первый раз в жизни.

– Ты невнимательно меня слушаешь, – сварливо произнес я.

Она безучастно кивнула, продолжая бессмысленно глазеть куда-то сквозь меня. Выдержав небольшую паузу, я возобновил рассказ:

– Он ударил ее по лицу. Мама закричала, пытаясь вырвать молоток из его рук. Я увидел кровь на ее щеке и тоже закричал. Но папа даже не смотрел на меня. Вероятно, перед его глазами была только мама и крысы. Полчища крыс...

«С каких пор в нашем доме завелось столько этих тварей?» – оскалившись, спросил он. Мама пыталась защититься руками, но он снова ударил ее. Кажется, молоток попал ей в рот, по губам, хрустнули зубы. Я заревел. Мне удалось проскользнуть между ними, и я помчался к двери. Времени на одевание не было. Все, о чем я думал, – спасти маму. Позвать на помощь. В общем...

Я беспомощно огляделся. Затем посмотрел на Марину, вздрогнув – на сотую долю секунды мне подумалось, что это не моя любимая, а мама. Сидит в лодке, в домашних тапочках и в своем переднике, вкусно пахнущем блинчиками с творогом, а из ее развороченной головы вперемешку с кровью ползет губчатая мозговая масса.

«Привет, сынок», – шепчет она бескровными губами, и я дергаюсь, будто коснувшись оголенного провода.

Тру глаза и вижу, что никакой мамы нет.

Да, мама в могиле.

– Марина, тебе интересно, что было дальше? – спросил я.

Она едва заметно кивнула, и я удовлетворенно повел плечом.

– Дверь оказалась закрытой. Видимо, папа предусмотрел все. Все, кроме балкона, – сказал я. – Наша гостиная была как раз между кухней и прихожей. Я метнулся туда. Странно, что мысль о балконе пришла мне в голову, правда? Наверное, в стрессовой ситуации организм сам подключает какие-то свои скрытые ресурсы, как думаешь?

Марина молчала, но я не настаивал, чтобы она подтвердила мои догадки тех лет.

– Я открыл балкон и посмотрел вниз. Мы жили на третьем этаже, и я подумал, что если я прыгну, то наверняка сломаю ноги. Понимаешь? Даже в сложившейся обстановке я пытался анализировать ситуацию. Но при этом... Крики мамы были слышны даже на балконе. Папа убивал ее. Молотком.

«Помогите!» – закричал я, перегнувшись через парапет балкона. На улице никого не было, кроме какой-то старушки, которая волокла за собой тележку.

«Витя?»

Я вздрогнул, услышав голос отца. Оглянувшись, дрожащими пальцами закрыл балконную дверь на щеколду.

«Витя, ты тоже не видишь крыс?»

Я прижался спиной к парапету.

В каком-то трансе я видел папу, который привидением маячил за стеклом. Его лицо, грудь и руки были все в красных пятнышках, и только спустя какое-то время мое сознание шепнуло мне, что это кровь. Кровь моей мамы.

«Папа, не надо», – всхлипнул я. Обделанные влажные шортики, в которых я ходил дома, неприятно липли к ногам.

«Ты видишь их, сынок? – ласково спросил папа. Он поднял молоток, покачивая его перед балконным стеклом. – Эти крысы повсюду. Они заразные, сынок. Они отвратительны».

После этих слов его рот снова растянулся в ухмылке, и он обрушил молоток на стекло. Я закричал.

«Крысы! – визжал отец, с размахом круша балконную дверь. – Зачем вы принесли их в наш дом?!»

Ступая босиком по битому стеклу, он принялся протискиваться сквозь образовавшееся пространство. Торчащие из двери осколки, словно ошестинившиеся зубы, оставляли на его обнаженном теле глубокие борозды, но папа ничего не чувствовал. Во всяком случае, он вел себя так, словно ничего не чувствовал...

Я умолк.

С удивлением коснувшись мокрых глаз, осознал, что плачу.

– Извини... я понимаю... просто я никогда не переживал это так, как сейчас, – дрогнувшим голосом произнес я. Глубоко вздохнув, я снова заговорил: – Я перелез через парапет, и когда он оказался на балконе, прыгнул вниз. В тот момент я ни о чем не думал, внутри меня долбила только одна мысль – убежать. Убежать куда угодно и спрятаться. При падении я сильно ударился бедром. Потом у меня плохо срослась кость, из-за чего я остался хромым на всю жизнь. Ты это знаешь. Но тогда... Я заревел с новой силой и пополз. Пополз изо всех сил, зовя на помощь.

«Крысы!!» – ревел наверху папа.

Словно во сне, я поднял голову. Он перелез через парапет. Как был – голый, забрызганный кровью, с молотком в руке.

«Разве ты не видишь их?!» – провизжал он, срываясь вниз.

Его тело тяжело шлепнулось на промерзший асфальт, словно мешок с требухой. В этот момент мое сердце сжалось, и в глубине души я надеялся, что он разбился насмерть. Тем не менее я продолжал ползти вперед, отчаянно взывая о помощи.

«Крысы...» – захрипел папа. Он был жив, хоть и упал неудачно, сломав себе ногу. Набравшись смелости, я даже обернулся, увидев торчащую из его колена кость.

«Наверное, это очень больно», – почему-то подумал я, продолжая ползти.

Он не отставал, двигаясь следом за мной.

Из подъезда вышла какая-то женщина и, увидев меня и голого, залитого кровью папу, заверещала.

«Помогите маме», – прошептал я.

Папа догонял меня. Он полз значительно быстрее, несмотря на сломанную ногу, от которой оставалась багровая полоса крови, источая в морозном воздухе пар.

«Крысы... много крыс, – сипло произнес папа, – крысы в доме...»

Он был совсем рядом.

Взмахнул молотком.

Я завопил, задохнувшись, – удар пришелся в щиколотку, размозжив косточку.

«Крысы...»

Женщина, вышедшая из подъезда, издала истошный крик. Подбежав ко мне, она схватила меня под мышки, оттаскивая прочь.

«Витя?» – прохрипел он. Молоток выпал из его окровавленных пальцев. Он глупо хлопал глазами, словно не понимая, как тут очутился – на улице, совершенно раздетый, весь в крови, с вывороченной ногой.

«Витенька!» – позвал меня папа, и голос его дрогнул. Он очумело взглянул на молоток, и лицо его перекосилось в гримасе. Закричав, он отбросил его, будто он был заразным. После этого из его рта пошла пена, и он стал дрыгать руками и ногами.

Женщина, оттащившая меня прочь, тараторила что-то успокаивающе. Краем глаза я видел, как к нам бегут двое мужчин.

Кто-то звал милицию, высунувшись из окна.

Потом я слышал звуки сирены.

И только тогда глаза мои закрылись.

Я перевел дух.

– Папу посадили в тюрьму. Потом его перевели в психиатрическую больницу. Там он скончался спустя два года. Я даже не знаю, отчего. Ему сделали укол, а у него остановилось сердце. Но... то, что он умер, ничего не изменило. Я вижу его почти каждую ночь. Он мерещится мне на каждом углу. Я жду лифт и слышу, как он, тяжело дыша, ползет ко мне по ступенькам. Я захожу в ванну и слышу, как он тихо смеется за шторами, постукивая молотком по кафельной плитке... Я ложусь спать и чувствую, как он елозит под моей кроватью, и боюсь даже взглянуть вниз, чтобы убедиться в обратном. Понимаешь, родная? Он во мне. Отец поселился внутри меня. И это надолго...

Я вздохнул, провожая взором пикирующую к воде чайку.

– Марина?

Проведя тыльной стороной ладони по обгоревшему лицу, я смахнул капли пота. Надо же. Правду говорят, что человек на семьдесят процентов состоит из воды. А в мозге этот процент еще выше. Можно сказать, что мозг и не мозг вовсе, а розовая слякоть, становящаяся серой после вскрытия черепной коробки. Вы спросите, откуда такие вещи знает школьник вроде меня? Ха. Я еще и не такое знаю...

Я пополз к любимой.

– Марина?

Тронул ее за локоть, но Марина не реагировала. Глаза девушки закатились, а грудь ходила ходуном, будто под ее кожей устроили гоночный мини-ипподром. Я аккуратно отвернул край блузки, разглядывая ее рану. Кожа вокруг пулевого отверстия покраснела и опухла.

– Мудило гороховое, – буркнул я, имея в виду ее отца. – За каким чертом ты взял с собой «пушку»?! Все равно тебе ничего не помогло!!

Последнюю фразу я буквально проорал, с бешенством потрясая кулаком.

* * *

Я не помнил, в какой момент мое сознание провалилось в ущелье забвения, но когда я открыл глаза, солнце уже устало опускалось к горизонту.

С огромным трудом я отлепил голову от вонючего днища лодки, крутя по сторонам затекшей шеей.

– Ты видишь звезды? – хрипло прошептала Марина.

Она лежала, вытянувшись по струнке, словно часовой, и взгляд девушки был устремлен в небо.

Я поднял голову. Никаких гребаных звезд там не было.

– Нет. Наверное, через час, – предположил я, с трудом ворочая опухшим языком. Говорить становилось все труднее и труднее.

Марина засмеялась старчески-скрипучим смехом.

– Ты дурак, Витя. Смотри, сколько их. Раз, два, три... все небо в звездочках. Я могу... могу считать их всю ночь и то не пересчитаю. Правда?

– Правда, – согласился я, понимая, что спорить с ней бессмысленно. – Однажды я прочитал замечательное стихотворение.

Она ничего не ответила.

– Кажется, оно написано про нас... Хочешь, я прочту тебе его?

– Давай, – равнодушно отозвалась Марина.

Мне стало обидно, но я решил не показывать своих чувств. Откашлявшись, я начал:

– Из края, где меня не ждут,
В места, где суждено сгореть,
Я завтра навсегда уйду
Искать свою подругу – смерть.
Она костлява, что ж с того,
Она жадна, но мне плевать.
Зато смогу я ей отдать
То, что не грело никого.
Я перед ней сумею спеть,
Мне вскоре надо замолчать.
Она позволит... Ей и мне
На свете нечего терять.
Затем река ушедших лет
Нас к берегу свезет тому,
Где счастья и несчастья нет,
Где свет вовек не сменит тьму¹.

После этого несколько минут никто из нас не проронил ни слова.

Солнце нехотя скрылось за горизонтом.

– Мы умираем, Витя? – чуть слышно спросила Марина.

Я обдумывал ее слова.

Наверное, она права.

Но прежде чем я открыл рот, она задала очередной вопрос:

– Пока я... я еще жива. Скажи. Ты ведь убил. Своих родителей. Мой папа. Был прав?

– Убил, – подтвердил я. – Они не пускали меня к тебе. Разве это справедливо? Только едва ли я что-то помню. Мою память искромсали, как ножницами. На меня будто волна накатила. Понимаешь?

Преодолевая боль в онемевших конечностях, я перегнулся через борт, окунув руку в море. Нагретые за день волны равнодушно лизнули мою обожженную кожу.

– Моего папу. И Ваню. Ты тоже убил?

Я наморщил лоб.

Почему женщины такие упрямые? Упрямые и глупые?

«Ну же? – спросила выжидающе тварь. – Тебе вопрос задан, парень».

– Витя?

Я промычал что-то невразумительное.

– Я ведь знаю, – едва слышно сказала она. – Что ты. Убил их. Я слышала.

Я вздохнул.

– Ты зверь, Витя. О боже...

---

¹ А. Постников

Я начал медленно подниматься на ноги.

– Не я начал все это, – цедя каждое слово, промолвил я. – Я отвез тебя посмотреть звездопад. А твой старый урод взял пистолет и приехал с твоим братом, чтобы сдать меня в милицию.

Марина хрипло усмехнулась, и я с удивлением оглянулся.

Передо мной сидел Петр Сергеевич. С выколотым глазом и распоротой шеей, он сидел на лавке и курил, как будто все шло своим чередом.

– Каково чувствовать себя убийцей, тряпка? – булькая, прошептал он. С каждым произнесенным словом из дырки на его шее выплескивалась морская вода. – Каково это?

– Уйди, – забормотал я, словно щит, выставив перед ним руки. – Тебя нет.

– Прикинь, мое тело обнаружили только через три дня. А вот моего Ивана вообще не нашли. Чудеса, правда? – ухмыльнулся труп. Он затаился, и струйки дыма стали просачиваться сквозь рваную дыру на бледной шее. – Хотя мы были в одном месте... Меня хоронили всем поселком. Даже боевой салют у могилы устроили.

– Уйди, – с тупым упрямством повторил я.

– Не убивай мою дочь, – вдруг сказал Петр Сергеевич. – Ей осталось совсем немного. Сделай все, чтобы она выжила.

Я закричал, закричал так громко, что у меня сдавило виски.

И когда я снова посмотрел, отца Марины там не было.

(не убивай мою дочь)

Что нес этот мухомор?

«Я люблю ее. Как я могу убить Марину?!»

Я склонился над ней.

– Мариша. Мариша, посмотри на меня, мое солнышко, – забормотал я.

Она не двигалась. Грудь девушки тоже была неподвижной.

Я зачерпнул воды и плеснул ей на лицо.

– Марина! – крикнул я, цепenea.

Плача, я начал целовать ее.

Она молчала. И тогда я ударил ее по щеке.

– Очнись!!

Над головой раздались странные звуки, но все мое внимание было сосредоточено на любимой.

Она не просыпалась, и разъедающая нутро паника рвала меня на части.

Почему она не открывает глаза?!

– Марина!!! – иступленно завизжал я.

Звуки над головой стали громче, и вода вокруг пошла крупной рябью.

Только тогда я соизволил оглянуться.

Вертолет. Громадная винтокрыло-железная машина зависла в нескольких метрах от нашей лодки.

– Наконец-то...

Я выдавил жалкую улыбку.

Кряхтя, я поднял Марину на руки. Она была странно легкой, почти невесомой, как куколка...

– Помогите ей, – прошептал я.

Из вертолета, покачиваясь, опустилась веревочная лестница.

– Помогите, – повторил я, повысив голос.

Сверху начал кто-то спускаться.

Я терпеливо ждал. Скоро все закончится.

– Все будет хорошо, – шепнул я.

Но когда я посмотрел на лицо любимой, у меня зашевелились волосы на голове.

Я держал на руках гнилой труп. Давно разложившийся, почернело-засохший, практически превратившийся в скелет. Грязные пакли слипшихся волос бесстрастно колыхал вечерний бриз. Нижняя челюсть отвисла, словно Марина собиралась сказать что-то важное.

Издав дикий крик, я бросил труп на дно лодки.

Потер глаза, вновь открыл.

Труп не исчезал. Я даже заметил блеснувшее колечко на одной из костяшек пальца.

– Марина? – заскулил я. Из моих глаз потекли слезы.

«Так бывает, – хихикнул знакомый голос. – С тобой так иногда бывает. Подожди. Потри глаза, и все пройдет».

Я ударил себя по раненой руке, и вселенская боль заполнила мой истощенный мозг, заставив исторгнуть животный вопль. Я крепко сомкнул веки, затем вновь открыл глаза.

Труп не исчезал. Полусгнивший скелет в обрывках истлевше-похоронного платья распластался передо мной бесформенной кучей костей.

Кто это?!

КТО ЭТО?!!

Я упал на колени, принявшись биться головой о лавку. В глазах потемнело, лицо заливала горячая кровь, но я не останавливался, пока вязко-обволакивающая тьма не накрыла меня полностью.

19 августа 2016 года, 21.08

Краснодарский край, поселок Прибой, побережье Черного моря

У причала поселка Прибой собралось более ста человек. В нескольких метрах от пляжа припарковался запыленный полицейский «Форд». Водитель, рыхлый сержант, лениво курил сигарету за сигаретой, время от времени стряхивая пепел. Служебная рация потрескивала, изредка оживая, и когда полицейский что-то коротко отвечал, она удовлетворенно замолкала.

Вскоре послышался звук тарахтящего мотора, и из-за мыса показался катер. Он приближался к берегу, и все собравшиеся на пляже замерли в напряженном ожидании.

Неряшливо одетый мужчина средних лет стоял, прижавшись плечом к изъеденному ржавчиной столбу причала. Сальные волосы, давно не ведавшие расчески, торчали в разные стороны. Одутловатое лицо с полопавшимися сосудами говорило о давней дружбе с бутылкой. Между пожелтевших пальцев человека дымилась сигарета.

– Что-то случилось? – спросил у него вылезший из воды отдыхающий турист. Он вытер мокрое лицо и, сняв подводную маску и ласты, положил их на песок.

– Случилось, – кивнул местный, глубоко затягиваясь сигаретой. Его скулы двигались, как живые. – Псих этот вернулся. Надо же...

Он перекрестился, не переставая дымить.

– Псих? – удивленно переспросил отдыхающий.

– Именно, – со всезнающим видом подтвердил старожил. – Мы с Валеркой еще пацанами были, как он сюда приехал. К слову, нет уже Валерки. Хороший был мужик. В драке башку ему пробили, кончился он в больнице.

– Вы говорили насчет психа, – напомнил словоохотливому мужчине турист.

– Ну да, псих. Мutil он шашни с девкой нашей, Маринкой. Переписывался с ней исподтишка. Дочка она была ментовская, Петра Сергеевича. Царство ему небесное и его сыну Ване.

– Он убил их?

Старожил окинул туриста пытливо-строгим взором, словно проверяя, не усомнился ли его случайный слушатель в правдивости истории.

– Он лодку взял, – медленно, чуть ли не по слогам произнес он. – Как это... Арендовал! Чуешь? Дал нам по полтиннику на пепси-колу, чтобы мы нашли кого-то из хозяев лодок, что тут болтались. Ну, нам что – пятьдесят рублей в те времена хорошие деньжата! – усмехнулся мужчина.

Помедлив, он продолжил:

– Привели бухого дядю Пашу. Он этому чокнутому лодку на ночь дал. А тот, значица, посадил в нее Маринку и увез ее на свидание в море. Только Петру Сергеевичу, ее папе, не по душе такая хрень прищлась. Он сразу невзлюбил этого шизика, вот что важно. Дядя Паша все им рассказал, и они с сыном на лодке искать их поехали... А у парня, видать, крышу сорвало. Он и Петра Сергеевича, и Ивана убил. Первого на берег волны выбросили, а Ваню так и не нашли, упокой его душу господь. Море ему кладбище... А этот крендель городской с Маринкой три дня по морю болтался. Не сразу мы спохватились. А когда искать начали, девчонка уже того... преставилась. Мутное там дело. Вроде ранена она была, пулей. А умерла, как потом признали, от солнца. Виданное ли дело – три дня без воды...

Тем временем катер с привязанной к нему лодкой пришвартовался к причалу, и было видно, как из него выволакивают худого мужчину лет сорока. Его растрепанные волосы были совершенно седы.

– Мешок есть? – раздраженно прокричал один из полицейских, находившихся в катере.

– Это он? – тихо спросил мужчина в плавках.

– Он, – с плохо скрытой ненавистью произнес старожил. Глядя, как тащат к машине седого мужчину, он на некоторое время забыл о тлеющей сигарете, которая очень быстро обожгла ему пальцы. Выматерившись, он бросил окурок в песок. – Сука, – коротко бросил он. – Плачет, типа. Рано его выпустили. Таких нужно в дурке до конца жизни держать.

– Так что в итоге? – спросил турист.

– А что в итоге? Маринку похоронили. Пусть земля ей пухом. А этого хера сумасшедшего – на зону. Ему тогда, кажись, семнадцать было. Вот, судя по всему, освободился на днях. И сюда сразу, урод.

Он посмотрел на отдыхающего, который внимательно его слушал:

– Ты так и не понял, городской? Маринку он выкопал, ясно теперь? Мать ее позавчера на кладбище была, собиралась оградку освежить краской... Глядь – а там все разворочено, дырка в земле. Раскопал могилу, псих конченный, и на лодке увез. В море. Романтик е... ный. Вот, только щас и нашли...

– Ну, принесет кто-то мешок?! – надрывался тем временем полицейский. – Мне че, на руках все это хозяйство нести?!!

К нему, торопливо перебирая ногами, спешил водитель с большим черным пакетом.

– Перчатки взял? – хмуро спросил полицейский, и тот с готовностью протянул ему строительные перчатки.

– Че ты мне их суешь? – буркнул мужчина. – Давай сам... Я и так уже весь провонял... А я мешок держать буду.

Вздохнув, водитель принялся за работу.

– Кольцо тольконими... Не урони!

Пока они возились, перекладывая останки, отдыхающий, побледнев, отвел взгляд.

– Эх... хорошая была девка, – задумчиво произнес старожил. – Жаль.

Он испытующе посмотрел на туриста, который нагнулся, чтобы подобрать ласты с маской.

– Может, накатим по маленькой, городской? С меня огурчик, с тебя «беленькая». У меня сало, кстати, есть.

– Извините, я не пью, – отозвался мужчина. – До свидания.

– Никчемный народ пошел, – философски заметил местный. Развернувшись, он побрел с пляжа, что-то бормоча под нос.

Седого мужчину затолкали в полицейский автомобиль, и «Форд», взревев мотором, мгновенно сорвался с места. Люди стали постепенно расходиться, тихо судача о происшедшем.

На вечернем небе стали вспыхивать первые звезды.

Декабрь, 2016

Михаил Шаповал

Симбиоз

Вечерело. Васенька, или Васятка, как называла его бабушка, лежал, закутавшись в старое пуховое одеяло, заправленное в пододеяльник из цветастых лоскутов, читал и не замечал ничего вокруг. Он подложил подушку повыше, согнул ноги в коленях, устроил на живот книжку и, снедаемый переживаниями, на автомате переворачивал страницы.

Ярко-желтый круг лампы разгонял мрак уральской осенней ночи, помогал ему и капитану Васильченко бороться с кровожадными инопланетянами.

Главный герой, одетый в тускло-желтый легкий скафандр, с автоматом наперевес, с помощью активированного прибора ночного видения пробирался в крошечной тьме по узким полузатопленным тоннелям заброшенной исследовательской станции. Он монотонно шлепал бахилами по мутной жиже и лелеял одну-единственную мечту – выбраться, наконец, на поверхность.

Капитан был ранен в плечо. Он не мог остановить кровь ни препаратами, ни перевязкой. «У них там, в будущем, медицина совсем ни к черту», – переживал Васятка.

Он представлял себе, как в воду монотонно падали капли крови, на которые тут же набрасывались крохотные пиявки. Им свет не нужен, запаха белка вполне достаточно. Хватит маленькой дырочки в многослойной прорезиненной ткани. Все закончится за несколько минут.

Пиявки одна за другой будут прилипать к оголенным участкам кожи. Хитиновые пилю присосок сделают на теле надрезы, достаточные для того, чтобы начала идти кровь. Маленькие безмозглые мешочки начнут стремительно увеличиваться в размерах. Кислота, вытесняемая кровью из тел вампиров, растворит ткань защитного костюма. Тогда к первым кровопийцам присоединятся другие.

Датчики, встроенные в костюм, не фиксировали повреждений оболочки, защищавшей нижние конечности. Но беда состояла в том, что капитан не догадывался об уязвимости собственного положения. Вода за ним просто бурлила от мириад голодных тел. Капли его крови приманили тварей со всего гигантского подвала. Теперь он стал заложником постоянного движения. Замирать ему было противопоказано.

От крови, падающей в воду, вампиры просто сойдут с ума. Кольчатые черви соберутся вокруг его ног, начнут убивать себе подобных и выбрасывать в воду огромное количество соляной кислоты, в которой растворится ткань скафандра.

Из-за электроники, посылавшей в уши капитана звук, усиленный в несколько раз, ему казалось, что он топает как бегемот. Если бы не фильтрация сигнала, Васильченко вообще оглох бы от слабых всплесков воды.

Высокочувствительный микрофон уловил вдалеке тяжелые вздохи. Компьютер тут же сообщил капитану, что впереди алгурианин.

Васильченко замер на секунду, оценил расстояние, а затем пошел медленнее, стараясь не плюхать армированными бахилами. Он стал шуметь меньше, но знал, что абориген вскоре все равно почует его.

Капитан бросил взгляд на виртуальный дисплей, расположенный прямо перед зрачком, и скривился. В магазине автомата осталось только четыре патрона. Есть еще плазменный дробовик, но батарея давно сдохла. Жаль, но о костре не может быть и речи. Вот постоять бы у открытого огня минут тридцать. Костюм аккумулировал бы энергию. Тогда ему хватило бы пары выстрелов из дробовика с керамическими стволами, посылающего в противника желеобразные сгустки алюминиевой каши, разогретые до тысячи градусов. Прожог бы ублюдка насквозь.

Наконец-то ожил датчик живых форм малого радиуса действия и указал на карте, составленной акустическим зондом, место нахождения одного из самых мерзких и жестоких существ в нашей галактике.

Самец, около семидесяти кило, с хитиновой пилой у рта, способной разрезать человека пополам за несколько секунд. У них тут все друг друга пилят. И пиявки, и куда более разумные представители фауны.

Капитан замер, размышляя, как быть дальше. Биомасса, скрывающаяся в воде, мгновенно повисла на его ногах. Васильченко почувствовал тяжесть и осознал, что времени у него вообще нет. Ему не оставалось ничего другого кроме как двигаться вперед, туда, где его уже поджидала жуткая тварь.

Алгуриане нападали из засад. Они никогда не атаковали напрямую, в лоб.

Половицы в избе заскрипели, и в комнату, шурша старенькими тапочками, вошла баба Катя. На ней была белая сорочка, на плечах – зеленый платок с бахромой.

– С ума сошел, – прошептала она, глядя сонными глазами на чтеца. – Половина пятого утра.

– Ага, – согласился пацан, отложил книжку на тумбочку и зевнул. – Бабуля, ты корову доить?

– Доить, – подтвердила она, исчезая в темноте коридора.

Дверь за ней закрылась как бы сама собой. Будто по волшебству.

Васятка выключил лампу и посмотрел в окно.

Сквозь стекло, державшееся на штапиках и замазке неведомой давности, вставленное в облупившуюся старую деревянную раму, на него смотрело чернильное, не успевшее просветлеть небо.

«Читал до утра. Круто», – похвалил себя двенадцатилетний пацан.

Потом он сполз с подушки, подложенной под спину, взбил ее парой хлопков, точно так же, как делал это его отец, сопящий сейчас рядом с мамкой в соседней комнате, повернулся на бок и мгновенно заснул.

Екатерина Михайловна Вестовая надела халат, накинула фуфайку, сунула ноги в галоши, взяла чистое оцинкованное ведро и вышла на улицу. Можно было бы и на полчаса попозже, да не спалось ей.

Не успела она сделать и одного шага, как из будки вылез молодой шустрый кобелек с редким именем Полкан. Он прогнулся, зевнул, встряхнулся и стал провожать глазами женщину, направившуюся к хлеву.

Екатерина Михайловна отодвинула засов и потянула на себя ручку двери. Она переступила через порог и, не глядя, щелкнула выключателем. Зажегся свет.

Рыжуха едва заметно повела головой, признала хозяйку и наверняка обрадовалась. Вымя ее уже распирало молоко, скопившееся в нем.

Баба Катя открыла дверцу стойла и тихим ровным голосом поприветствовала свое сокровище:

– Здравствуй, моя голубушка! – Михайловна, как частенько звали ее соседки, легонько погладила корову по шее, потом провела рукой по боку.

Она улыбнулась и стала заниматься привычным делом.

Современные столичные менеджеры перед началом подобного действия собрали бы совещание, составили бы план работы, заслушали бы ветеринаров, отделы производства, маркетинга и продаж, после чего занесли бы свои великие мысли в планшетные компьютеры. Баба Катя должна была бы к одиннадцати утра выслать отчет о проделанной работе на электронный адрес фирмы.

Пенсионерка не имела ни малейшего понятия о современных методах работы. Про такие чудеса, как Интернет и сотовая связь, она слышать-то слыхивала, а вот выдывать пока не выдывала.

В Кыштыме, в райцентре, конечно, уже давно что-то такое новое появилось, а у них в Некрасовке так и было пять проводных телефонов на все село. Потому как жили они у подножия Уральской горной гряды, покрытой густым хвойным лесом. В такой глуши деревню долго не найдешь, даже ежели и специально будешь искать.

Баба Катя привычно подцепила вилами подстилку из соломы вместе с коровьими делами и отбросила в сторону, чтобы в нос не било. Потом она поставила маленькую скамеечку около вымени Рыжухи, уселась и ловко пристроила ведро под длинные дойки.

Первая кривоватая струйка прыснула в металлическую стенку. Потом дело пошло веселее. Баба Катя еще не совсем проснулась и как-то быстро задумалась в ходе механической работы.

Первым делом она отметила, что руки у нее сегодня не болят и сила в них никуда не делась. Потом стала размышлять о житии своего сына Егора, который работал санитаром в «Пентагоне». Так в народе звали белое большое здание психиатрической лечебницы, расположенное по соседству с деревней, у входа в старую шахту. Она вспомнила о своей снохе, так и не сподобившейся научиться печь вкусные расстегаи спустя пятнадцать лет брака. О соседке, которая звала мужика даже для того, чтобы зарубить курицу.

Под колкие утренние мысли зашелся криком соседский петух, а с правого плеча появилась кошка Муська в ожидании порции парного молочка. Теперь она не отстанет от хозяйки, после дойки будет идти за ведром как привязанная, вплоть до крыльца. Там, так уж и быть, самая старшая представительница рода Вестовых плеснет ей в миску теплого эликсира жизни, хоть она этого и не заслужила.

Работа спорилась. Вскоре больше половины ведра было заполнено. Кошка терпеливо сидела и ждала, когда хозяйка закончит работу, аккуратно придвинет к себе драгоценную тару, разогнется и пойдет, наконец, на улицу.

Баба Катя забылась, убаюканная монотонностью процесса, поэтому не сразу среагировала на шелчок, раздавшийся прямо над головой.

«Что там еще?» – подумала она через миг, отклонилась от коровы и посмотрела вверх.

Свет лампы помешал Михайловне разглядеть маленькое отверстие, зияющее в крыше.

«Доска, что ли, треснула?»

Она приготовилась продолжить свое нехитрое дело, но тут корову вдруг повело в ее сторону. Ноги Рыжухи подогнулись. Огромная туша весом более четырех центнеров стала медленно оседать прямо на бабу Катю!

Пожилая женщина вскрикнула, вскочила с маленькой скамеечки, открыла рот, отпрянула к стене и с ужасом смотрела на свое сокровище.

«Боже, скотина пала!»

Баба Катя всю жизнь прожила в деревне, поэтому не спешила голосить, хотя крик и уперся ей прямо в гортань.

Ведро с молоком было сбито и раздавлено бедной кормилицей.

Белое озеро стало впитываться в соломенную подстилку, а хозяйка продолжала стоять рядом с коровой. Михайловна в беспомощности опустила руки и моргала как сумасшедшая от страха, обуявшего ее.

Женщина ухватила за верх деревянной перегородки, чтобы не рухнуть рядом с коровой, попыталась устоять на ногах и унять разбушевавшееся сердечко, колотившееся часто-часто, будто механизм старого рассыпающегося будильника.

Она прикрыла рот рукой. Слезы сами навернулись на ее глаза. Баба Катя не могла спокойно смотреть на голову коровы, пробитую и раскуроченную незнамо чем.

– Господи, – прошептала перепуганная крестьянка и, едва жива, на полусогнутых, не помня себя от испуга и горечи утраты, вывалилась из хлева.

Кобель тут же почуял неладное, занялся лаем и в два прыжка, бряцая цепью, оказался у ног хозяйки, которая стала медленно оседать на землю. Пес залаял сильнее. Когда баба Катя закрыла глаза, он начал еще скулить и жутко подвывать.

Егор проснулся от того, что жена трясла его за плечо.

– Егор, слышишь, Полкан как завелся!

Не успел глава семейства понять со сна, в чем тут дело, как на пороге родительской спальни возник Васька в одних трусах.

– Бабушке плохо! – выкрикнул он и исчез.

Егор босиком выбежал во двор и бросился к матери.

Следом за ним последовала жена, по пути увещевая сынульку, чтобы тот не крутился под ногами.

Егор отогнал собаку, сел рядом с мамой, которая привалилась к стене хлева и уже успела кое-как очухаться.

– Лежи, не шевелись.

– Земля-то холодная, дуралей! – отчитала его женщина, повидавшая жизнь, успевшая вырастить этого вот здоровенного сорокавосемилетнего обалдуя. – Помоги мне, – попросила баба Катя. – Лена, чего встала?! Где ж ты нашел-то такую! Дети, боже мой, на кого я вас оставляю-то?

Супруга поспешила помочь мужу поднять страдальцу с земли. Баба Катя отличалась дородностью, но сын не замечал тяжести грузного тела. Он подхватил мать на руки, занес ее в дом и поспешил положить на родную кровать.

Васька аж рот открыл. Он знал, что отец сильный, но чтобы вот так запросто бабушку, прямо как пушинку!.. Ого!

Пока Лена соображала, что же дать больной – капли какие-то, воды, нашатырь понюхать или чего еще, – Егор вызвал «Скорую» по стационарному телефону.

Баба Катя поняла, что помощь уже скоро будет, перестала охать, посмотрела на сына и сказала:

– Егор, ты в хлев сходи. Рыжуха-то все, кажись. А голова-то у нее!.. Горе-то какое... – Глаза пожилой женщины не успевали высыхать.

Сноха тут же поставила табурет подле кровати, села на него и стала успокаивать свекровь:

– Екатерина Михайловна, вы только не волнуйтесь. Сейчас приедет доктор, сделает вам укольчик.

«Тебе бы, деточка, тоже не помешало что-нибудь такое в задницу-то воткнуть, чтобы ты, наконец, нормально готовить научилась».

Вслух Вестовая не стала ничего говорить, продолжала вздыхать и горевать по корове.

Мужчины пошли в хлев. Но первым туда влетел Васька, который услышал бабушкино сообщение по корову.

Рыжуха лежала, завалившись на бок, и не подавала признаков жизни. Подойдя ближе, пацан увидел, что в черепе коровы пробита дыра размером с орех. Кровь не успела запечься, понемногу текла из раны и капала на солому. Один глаз скотины вылетел из глазницы и неэстетично свисал на каких-то жилках, добавляя красок к раскуроченному черепу и синюшному языку, вывалившемуся из пасти.

Следом вошел отец. Он был более чем на голову выше сына, поэтому смог без проблем оценить ситуацию, не отодвигая отпрыска. Егор увидел рану в голове скотины, тут же присел и поспешил осмотреть весь хлев.

– Ты видел кого-нибудь? – спросил он.

– Нет, – шепотом ответил сын и следом за отцом вытянул шею, стараясь рассмотреть кого-то в темном углу небольшой постройки, хотя и знал, что они с отцом здесь одни.

«Полкан молчал. Значит, чужих тут не было. Ну и как это понимать?» – подумал Егор.

Он присел рядом с коровой и скривился, стараясь лишний раз не смотреть на раскороченную морду.

Не надо было быть великим следователем, чтобы догадаться посмотреть наверх. Егор Федорович встал и без труда обнаружил в потолке небольшое отверстие. Двдцатимиллиметровая доска была прошита насквозь. Похоже, что кто-то выстрелил пулей вместо дроби из гладкоствольного ружья. Больно уж калибр хорош. На слона!

Вестовые выбрались во двор. Отец закрыл дверь, и они пошли к бабушке, рядом с которой дежурила супруга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.